Только с тобой

Автор:
Кира Фарди

Только с тобой

Кира Фарди

Выпускной бал, планы на поступление в вуз и преданный Илья рядом – что еще нужно юной девушке для счастья? Однако чужая радость становится костью в горле для врагов, и они разрушают привычный мир Оли, разлучают ее с другом. Кажется, что жизнь сломана, и ничто не будет, как раньше, но девушка борется с судьбой, и однажды Илья появляется снова, чтобы вернуть свою любимую и покарать ее обидчиков.

Содержит нецензурную брань.

Кира Фарди

Только с тобой

Пролог

Игорь Владимирович любил контрольные работы.

Он сидел за учительским столом, наблюдал за учениками одиннадцатого класса и откровенно скучал.

Тоска…

Он с трудом подавил зевоту и прикрыл ладонью рот: такое поведение недостойно учителя.

В школе он работал уже пятый год, преподавал историю. Сюда пришёл по призванию. Вернее, так Игорь думал сначала. Но проверка теории эмпирическим путём, увы, провалилась. Говорят, благими намерениями выстлана дорога в ад. Это как раз про него. Ничего, кроме тоски и скуки, на этой работе он не испытывал и постепенно превратился в подобие тех преподавателей, которых сам так ненавидел.

Хотя…

Не все его в школе раздражало. Были ещё и ученицы. Они заглядывались на хорошенького историка, строили ему глазки, надеясь получить снисхождение во время контрольной работы или теста. Игорь млел от внимания девочек и получал истинное удовольствие, когда ставил зарвавшуюся школьницу на место, заставляя ее краснеть над очередной скабрезной шуткой.

Вот и сейчас.

За второй партой сидит Юля Смирнова. Прямо такая Юлечка-Юлечка! Игорь усмехнулся. Коротенькая юбка уехала вверх, оголив стройные цыплячьи бёдра. Девушка якобы случайно поглаживала коленку, и эти ритмичные движения заставляли историка следить за ними, не отрывая взгляда. Вот ладонь Юлечки от колена перешла к бедру и стала подниматься все выше. Игорь тоже немного сместился и даже наклонил голову набок, чтобы лучше рассмотреть потаённое.

В паху зашевелилось. «Черт! Что я, как малолетка в подростковом возрасте, не могу справиться с гормонами. Игорь встряхнул головой, прогоняя наваждение, и отвернулся. «Не смотреть! Нельзя!» – повторил он про себя ставшую уже привычной фразу.

Он опустил глаза в журнал – буквы расплывались. «Безобразие! Надо выпустить закон, чтобы молодых, полных сексуальной энергии мужиков, на километр не подпускали к школе».

Игорь Владимирович встал и подошёл к окну. Его кабинет находился на первом этаже, и он прекрасно видел все перемещения хитрых учеников. Заметив три

силуэта, кравшихся под окнами, он узнал троечников из восьмого «Г». Наверняка курить побежали. Вся администрация школы знала, что у пацанов во дворе соседнего универсама тайная курилка, но ничего сделать не могла.

Учитель протянул пальцы к ручке окна, намереваясь окликнуть нарушителей, но остановился на полпути. «Г» оно и есть «Г». Свяжешься – себе дороже будет. Придется их вести к завучу, выслушивать нотации, встречаться с родителями.

«Б-р-р-р! Пусть гуляют!» – решил он и снова повернулся к классу.

Легче не стало. Теперь блуждающий взгляд наткнулся на упругую грудь Машеньки Ивановой. Два белоснежных полушария выглядывали из расстегнувшейся блузки и манили к себе. Машенька не зазывала хитростью учителя, нет. Игорь об этом знал. Его смущала детская непосредственность девушки. Кажется, она даже не представляла, насколько привлекательна для молодого мужчины ее невинная прелесть.

Вот девушка поменяла положение – блузка натянулась. Игорь живо представил, как дули сосков нацелились на его мужскую силу и застонал. Неожиданно получилось громко. Учитель поменял положение ног, поднял глаза и наткнулся на серый взгляд Оли Звонаревой, которая сидела на последней парте.

– Пиши, не отвлекайся, – выдавил Игорь смущенно и отвернулся: смотреть на Олю он совсем не мог.

Эта рыжая длинноволосая бестия вот уже год не давала учителю спать ночами. Стоило ему закрыть глаза, как ее обнаженный образ будил самые извращённые фантазии, от которых он спасался случайными связями и проститутками. До дрожи в коленях мечтал поцеловать эти пухлые губы, втянуть по-собачьи, так, чтобы склеились ноздри, пряный аромат ее кожи, ощутить языком, как бьется тоненькая жилка на нежной шее.

Игорь до боли сжал кулаки. «Ведьма! Будь ты проклята!» – как мантру повторял он. Если бы он жил в пятнадцатом веке, первый бы загнал эту девицу на костёр.

Усилием воли он поднял глаза и уставился неподвижным взглядом на девушку. Через минуту, увидев, как она заерзала, удовлетворенно хмыкнул: «Так тебе и надо, ведьма!»

Глава 1

– Звонарёва, сдавать тетрадь собираешься? Последняя осталась, – услышала Оля окрик историка и вздрогнула. Мороз пробежал по коже от ужаса: она ничего не успела написать. Все даты вылетели из головы под пронзительным голубым взглядом из-под очков, который она постоянно ловила на себе во время контрольной работы. – Я жду.

А теперь в голосе появились мурлыкающие, опасные нотки. Оля сжалась. Этот тон не предвещал ничего хорошего. Она встала и медленно пошла к столу учителя.

– Вот, – протянула она тетрадь, мечтая быстрее скрыться, но не тут-то было.

– Посмотрим, посмотрим, что ты у нас накарябала, – с этими язвительными словами Игорь Владимирович, молодой историк, которого за глаза все девушки звали просто Игорем, открыл ее тетрадь. – О, даже так! Чистый лист. Звонарёва, это бунт?

– Нет, – пролепетала она, едва сдерживая дрожь в голосе, и оглянулась: в классе никого не было.

«Предатели! Сбежали! И Жанка! Ещё подруга называется!» – от обиды Оля чуть не заревела.

– Надеешься смыться? – тихо спросил учитель. – А наказание?

Уголок его рта поехал вверх, обнажив крупные, желтоватые от частого курения зубы. Голубые глаза потемнели, и в них заплескалось желание. Оля сжалась. Мысли заметались в поисках выхода, как испуганные мыши под взглядом кота. Игорь провёл пальцами по обнаженной руке девушки: кожа мгновенно покрылась пупырышками. Оля вздрогнула, сделала шаг назад, но жесткая мужская ладонь успела зажать ее запястье и дернуть на себя. Ее повело в сторону, и она упала прямо на колени мужчине. Девушка вскрикнула, залилась краской от смущения и рванулась, чтобы встать, но руки учителя

крепко держали ее.

– Тише, тише, – шептали ей в шею жаркие губы, – хочешь пятерку, посиди так немножко.

И вот там, где только что было тепло и мягко, вдруг стало расти что-то твёрдое и жесткое. Оля взвизгнула и отчаянно закрутилась, наконец (о, счастье!) вырвалась из цепких пальцев и со слезами бросилась к дверям. Ещё долго в ушах звучал ехидный хохот историка.

Оля бежала по коридору, а глаза лихорадочно искали, куда спрятаться. Она уже была на лестнице, но потом резко развернулась и бросилась в туалет. Там точно не достанет. Она закрылась в кабинке, села на унитаз и только здесь немного расслабилась, хотя все время прислушивалась к звукам, доносящимся снаружи.

Вспомнила большое и твёрдое и содрогнулась: до сих пор чувствовала это противное давление между ног. Хотелось принять душ и тереть себя мочалкой, тереть изо всех сил, чтобы и следа от этого ощущения не осталось. Игорь Владимирович перешёл уже все границы. Чувствует свою безнаказанность? И вправду, что может сделать скромная ученица против влиятельного учителя? Ей просто никто не поверит.

Обычно действия историка дальше томных взглядов и грязных шуточек не заходили, тогда что это было сегодня? Он решил перейти на новую ступень приставаний? Наверное, так. Учиться Оле осталось два месяца. Потом экзамены и – прощай школа, любимый класс и учитель, который отравил ей жизнь в последний год учебы.

– Козел! Придурок! – выругалась Оля и решила не ходить на физкультуру. Не до неё сейчас.

Она тихонько выскользнула из туалета, прокралась на цыпочках мимо вахтёрши, которая распекала опоздавшего на урок ученика, и сбежала домой.

Дорога, по которой она ходила вот уже почти одиннадцать лет, была привычной. Ноги делали свою работу, а голову одолевали печальные мысли. Оля с досады пнула попавшийся спичечный коробок. Тот стукнулся о стену дома и откатился на проезжую часть прямо под колёса встречной машины.

Отчаяние сжимало сердце, мешало дышать полной грудью и рождало мрачные идеи. Оля чувствовала себя сейчас этим коробком, прыгающим по мостовой. «Не буду ходить к нему на уроки. Точка. Не буду!» – думала она.

Но тут же появлялся червячок сомнения: «Он нажалуется завучу, та вызовет маму и заявит о прогулах. Мама, конечно, расстроится».

Оля знала, что ей уступит. Видеть в слезах маму, работавшую в трёх местах, чтобы дочка жила безбедно, девушка не могла.

Внезапно она остановилась.

– А если жалобу на него написать? За сексуальное домогательство.

Радость всколыхнулась в душе, но тут же погасла. Как доказать, что учитель истории не даёт ей прохода? Внешне ничего предосудительного он не делает, а его постоянные взгляды, якобы случайные касания и намеки понятны только ей, одноклассники ничего не замечают. Оля сглотнула подступившие слезы и вспомнила разговор с Жанкой сегодня утром. Когда она рассказала ей о своих подозрениях, подружка только рассмеялась:

– Олька! Да у тебя паранойя! Шуточки Игорь направлены всему классу, а не тебе.

– Жанка, он же всех не лапает. А ко мне всегда норовит прикоснуться.

– Ну, и что? Подумаешь, взрослый человек тебя по голове погладил или по плечу потрепал. Что такого? Кем ты себя возомнила? Писаной красавицей? Посмотри на себя в зеркало: обычная девчонка, серая мышка. Ты даже косметику ещё толком не научилась накладывать, а туда же, в неотразимые модели метишь!

Эти слова так задели Олю, что она поссорилась с Жанной, и теперь брела к дому одна. Если о ней такого мнения подруга, то что же подумают остальные?

Оля подошла к дому и недовольно посмотрела на сваленные на асфальт тюки и коробки. Грузовик с мебелью перекрывал вход в подъезд.

«Кого принесла нелёгкая? Современные хозяева не таскают за собой домашнее старьё, а покупают новые вещи», – зло подумала она, ступила на газон, провалилась в рыхлый весенний снег, с трудом сделала несколько шагов и пробралась наконец к двери.

– Привет, рыжая соседка, – услышала она сзади насмешливый голос и резко обернулась: из грузовика выглядывала улыбающаяся физиономия, увенчанная торчащими в разные стороны вихрами.

– Пошёл ты… лесом, – сердито буркнула Оля и поднесла магнитный ключ к замку.

– Лесом, полем, улицей, бережком, – запел противный мальчишка, но его прервал строгий мужской голос:

– Илья, хватит дразнить девушку, помоги лучше стиральную машину спустить.

Дальнейший разговор Оля не слушала. Она быстро открыла дверь, вызвала лифт и поднялась на третий этаж, где жила в двухкомнатной квартире с мамой и бабулей.

– Олечка, ты сегодня рано, – выглянула из кухни бабушка, – обедать будешь?

– Позже. Я пока не хочу, – девушка юркнула к себе в комнату и закрыла дверь: наконец-то одна.

Она бросила сумку на пол и с размаху плюхнулась на кровать. Непрошеные слезы закипали на глазах, катились по вискам и падали на подушку. Девушка зло вытирала их руками, давила рыдания, которые рвались из сведённого спазмом горла. «Что делать?» – стучал в голове единственный вопрос. Скоро ЕГЭ. История и обществознание ей как воздух нужны, если она все ещё хочет стать юристом и защищать женщин от таких вот сексуально озабоченных придурков.

– Сволочь! Гад! – она встала с кровати и подошла к зеркалу: и что этот урод в ней нашёл?

Рыжая копна волной лежала на плечах. От природы ей достались тусклые русые волосы, потому Жанка и назвала ее серой мышкой. Такого яркого оттенка Оля добилась с помощью хны, а виноват в этом был Сашка Степанов, красавчик спортсмен из математического класса. Оля тайно вздыхала по нему уже два года: украдкой фотографировала, а потом вечерами рассматривала фото и фантазировала, как он провожает ее из школы, угощает мороженым и водит в кино на зависть всем девчонкам.

Но, увы! Сашка не обращал на неё никакого внимания. Действительно, зачем самому популярному парню в старшей школе нужна очкастая зубрилка с серым хвостиком! Вот тогда Жанка и предложила ей изменить цвет волос и надеть линзы.

Сашка все равно жил в своем мире, кажется, даже не знал о существовании влюблённой в него Оли, зато яркий цвет головы, пылающей среди блондинок и брюнеток, заметил Игорь Владимирович, и навалилась новая напасть: тайное преследование. Об историке среди девочек ходили неприятные слухи. Будто он несколько лет назад даже женился на ученице. Но никто его жену до сих пор не видел. Детей тоже, поэтому все дружно решили, что это пустой треп из разряда «одна баба сказала».

Оля вздохнула, причесала волосы и убрала их в привычный хвостик. Ей нравился рыжий цвет. Конечно, к нему полагалось бы иметь зеленые глаза, но и ее темно-серые смотрелись неплохо. Ресницы, конечно, светлые, белесые, но хорошая тушь быстро исправляла этот недостаток. В целом, Оле ее внешность нравилась. Только вздернутый нос иногда бесил. Она даже думала, что, когда сама начнёт зарабатывать, сделает пластическую операцию, выровняет ненавистный кончик.

От грустных мыслей отвлёк звонок в дверь.

– Олюшка, открой! – крикнула бабушка. – У меня руки в муке.

Оля вздохнула: «Кого ещё черт принёс!» – распахнула дверь и побледнела: на пороге стоял Игорь Владимирович. Он смотрел в упор на девушку, и она чувствовала, что сейчас упадёт в обморок под этим пристальным взглядом.

– Здравствуйте, – спасла положение бабушка. Она выглянула из кухни, держа руки на весу, чтобы не запачкаться мукой. – Это кого к нам ветром странствий

занесло? Вы наш новый сосед?

– Нет, я преподаю вашей внучке историю. Ветер странствий мне нашептал, что я могу зайти к вам в гости, – в тон бабуле пошутил учитель.

«Козел! Чего тебе от меня надо? – стонала про себя Оля, но молчала, только переводила взгляд с Игоря на бабулю.

– О, проходите на кухню. Олюшка что-то натворила? Хотя это очень странно. Она у нас хорошая, добрая девочка.

– Бабуля! – покраснела Оля. – Я давно уже не девочка. – От досады на бабулю, которая пригласила врага в дом, ей хотелось плакать. – У меня все в порядке.

– Не совсем, – возразил историк, удобно расположившись за столом, – уважаемая леди, как вас звать-величать? – обратился он к бабушке.

– Ох, простите! – всплеснула руками та, и мучное облако повисло в воздухе и медленно осело на стол. – Варвара Петровна. А вы?

– Игорь Владимирович.

– Олечка не рассказывала, что у неё такой молодой и привлекательный учитель. Простите, я сейчас поставлю пирожки в духовку, и мы с вами поговорим.

Бабушка возилась у плиты, а Оля стояла в дверях и мрачно смотрела на историка. Мысли плясали в голове. «Зачем он пришёл? Что хочет сказать?» Игорь насмешливо поглядывал на неё, и от этого Оле становилось ещё хуже. Бабушка наконец разобралась с пирожками, поставила перед учителем чашку чая и села сама.

– Рассказывайте.

– Варвара Петровна, извините за неприятные вести, но меня волнует успеваемость Оли. Через два месяца экзамены, а после сегодняшней контрольной работа она сдала чистый лист.

«Козел! – ахнула про себя Оля. – Нет, что за урод!» – она покраснела от злости и хотела закричать, что его слова – неправда.

Но историк, как волшебник, вытащил из портфеля тетрадь и сунул под нос бабушке. – Вот посмотрите.

– Оля, как же это, – растерянно подняла на неё глаза бабуля, – ты решила не поступать на юридический?

Оля отчаянно замотала головой.

– Варвара Петровна, о об этом я и хотел поговорить. Я предлагаю Оле дополнительные занятия. Совершенно бесплатные, – добавил он, увидев попытку бабушки отказаться.

Оля стояла ни жива ни мертва: «Скотина! Решил по-другому до меня добраться!»

– Бабуля, я сама могу выучить историю и подготовиться к экзаменам. Я не хочу загружать Игоря Владимировича лишней работой, – резко сказала она, постаравшись максимально добавить в голос твердости и уверенности.

Она и сама верила, что справится, если этот человек ей не будет мешать.

– Благодарю вас, дорогой учитель, за заботу, – в отличие от внучки обрадовалась бабушка. – Мы с мамой Олечки обдумаем ваше предложение и позвоним.

«Спасибо, моя осторожная бабулечка! – обрадовалась Оля. – Что, урод, выкуси! Не получилось!» – она с торжеством в глазах посмотрела на историка и довольно улыбнулась.

Игорь снял очки, привычным жестом протер стекла и только потом поднял глаза. Холодом сверкнул жёсткий и немного рассеянный, как у всех близоруких людей, взгляд. Улыбка пропала с лица, и оно стало похоже на маску. Будто двуликий Янус повернулся злой стороной. Только что на кухне пил чай ангел во плоти, и уже тебя прожигает взглядом Дьявол.

Оля поежилась и пошла к двери, открыла ее и молча ждала, пока учитель наденет модные рыжие туфли и попрощается с бабушкой. Уже выйдя в коридор, он гадко подмигнул девушке, и Оля зябко передернула плечами от омерзения. Захлопнув дверь за непрошеными гостем, Оля бросилась к бабушке.

– Спасибо, бабуля. Я сама справлюсь. Не хочу, чтобы он меня натаскивал. Ой, у тебя пирожки горят! – воскликнула она, почувствовав запах дыма.

Обе бросились в кухню, которую наполнял едкий дым. Спасение квартиры от пожара отвлекло Олю, и она временно забыла о новых соседях и гадком Игоре.

Утром проснулась с хорошим настроением: в этот день истории нет, а значит, можно спокойно идти в школу. Возникла даже мысль: позвонить Жанке и помириться, но Оля решила выдержать характер. Всегда она первая звонит, вот и выросла мягкотелой. Даже с учителем разобраться не может.

Она, напевая прилипший мотивчик, выбежала из подъезда.

– Привет, Рыжая!

Оля оглянулась: сзади стоял вчерашний вихрастый парень.

– Отвянь! – ссориться ей не хотелось.

– Ты чего такая недружелюбная? – парень пошёл рядом, стараясь попасть с ней в ногу.

Оля скосила глаза, потом задрала голову:

– Ты когда каланчой Коломенской вымахал? – удивилась она. Юноша был на голову выше ее, и его длинное тело покачивалось рядом, как тонкий клён.

– Вот так вышло. Рос, рос и дорос, – пошутил он, потом уже серьезнее добавил, – у меня и родители высокие. Спортсмены-волейболисты. Так что от генетики никуда не деться.

– Ясно. Ну, иди, куда шёл.

– Ага. Пока. Ещё встретимся, – он усмехнулся и свернул во дворы.

«Откуда этот перец так хорошо знает наш район?» – пожала плечами Оля и тут же забыла про него: вдалеке она увидела Жанну и теперь гадала, окликнуть или нет. Подружка оглянулась, словно почувствовала ее взгляд, и остановилась.

– Оль, привет, – как ни в чем ни бывало начала она, – ты куда вчера пропала? Преподша по физре знаешь, как ругалась!

– Плевать, – угрюмо ответила Оля. Настроение резко ухудшилось. – Из-за истории расстроилась. Ты почему меня в кабинете одну бросила? – накинулась она на подругу.

– Так, на физру надо было переодеваться, а ты все сидела, тетрадь не сдавала, – оправдывалась та. – Ты на меня, что ли, обиделась?

– Ладно. Проехали, – отмахнулась Оля: не хотела портить хорошее настроение. – Пошли на литературу. Классуха ругаться будет, если опоздаем.

Преподавателя литературы, а по совместительству и классного руководителя, звали Ирина Леонидовна. Оля знала, что ребята ее уважают за строгость и сердечность. Но у неё был один пунктик, над которым втайне посмеивались, но не спорили: она раз в три недели пересаживала учеников по своему усмотрению. Это правило существовало с пятого класса, поэтому все привыкли. Привыкли и к тому факту, что девушки всегда сидели с юношами. В классе давно родился лозунг: «Если не нравится сосед, воспитывай», – поэтому возражений против нового пересаживания не существовало.

Но в их одиннадцатом классе училось двадцать семь человек, так что раз в три недели кто-нибудь получал бонус: последнюю парту в полное распоряжение. Сейчас этим счастьем владела Оля. Она разложила тетради и ручки на столе, достала планшет. Ещё одна фишка их лицея – преподавание с помощью учебных электронных приложений. Каждый день они выполняли тесты и другие задания, используя планшет. Он давно стал привычным и удобным инструментом для школьной работы.

Прозвенел звонок, и в класс вошла Ирина Леонидовна – женщина средних лет, худощавая и модно одетая. За ее спиной ещё кто-то маячил.

– Ребята, прошу вашего внимания. К нам в класс перевелся новый ученик.

Она сделала шаг в сторону, и Оля увидела своего нового соседа по подъезду. Он немного сутулился и смущенно кривил рот. Встретившись взглядом с Олей, юноша расплылся в широкой улыбке, и девушка увидела, какой Каланча хорошенький. Темные вихрастые волосы были уложены в модную прическу. Синие глаза в обрамлении пушистых ресниц сияли и казались почти прозрачными. Подбородок пересекала волевая ямочка.

Девочки зашевелились. Даже Оля удовлетворенно улыбнулась: наконец-то у Степанова в школе появился конкурент.

– Представься классу, пожалуйста, предложила Ирина Леонидовна.

– Илья. Шереметов. Не путайте с князьями Шереметьевыми. Я птица другого рода-племени. Можно просто – Илюха.

– Ну, и отлично. Звонарева, подвинь свои вещи и освободи место для молодого человека.

Вот так рядом с Олей незаметно села ее судьба.

Глава 2

Два дня прошли спокойно. Игорь Владимировича Оля видела только издалека в школьном коридоре и всегда сворачивала в сторону, чтобы не столкнуться лицом к лицу. Но сегодня с утра что-то не заладилось. В конце марта весна вдруг вспомнила, что пришло ее время, и заторопилась. Оля вышла из подъезда и сразу попала под противный снежный заряд вперемешку с дождем. Рыхлый снег проваливался на каждом шагу, и итальянские сапожки, не рассчитанные на такую слякоть, мгновенно промокли.

Ругаясь на непредсказуемую погоду, Оля с трудом добралась до школы. С ресниц, облепленных снегом, капала тушь. Мокрая челка прилипла ко лбу. Куртка спереди походила на одно большое мокрое пятно.

Только Оля открыла школьную дверь – сразу увидела ненавистного учителя, караулившего у вахты. «Дежурит, что ли?» – неприязненно покосилась на Игоря она и свернула к раздевалкам, но не успела сделать несколько шагов, как историк догнал ее и преградил путь.

– Не торопись, Звонарёва, – тихо сказал он, – если сегодня ты опять не будешь готова к тесту по историческим датам, я доложу завучу о твоей халатности по отношению к моему предмету.

Оля растерянно смотрела на учителя и не знала, что ответить. Она и так чувствовала себя неловко: мокрая, с красным хлюпающим носом, а тут этот гад пристает. Девушка кивнула головой и сделала шаг в сторону, но Игорь не отступал. Он видел ее смущение и старался унизить ещё больше.

– Это что за непочтительно отношение к учителю? – он снова перекрыл ей дорогу. – Трудно словами ответить?

– Хорошо, – Оля попыталась обойти учителя стороной.

– Что хорошо?

– Она прекрасно готова к тесту, – услышала Оля за спиной веселый голос Ильи и обернулась. – Я сам вчера с ней занимался, – юноша подмигнул соседке по парте. – Простите, пожалуйста, мы на урок опоздаем.

Не ожидая разрешения, Илья схватил Олю за локоть и потащил к раздевалкам.

– Что этому хлыщу от тебя надо?

– Достал уже, честное слово, – буркнула Оля. – Прохода не даёт.

– Держись меня. Вместе справимся.

Урока истории Оля ждала с волнением. Она ещё не решила, следует ли положиться на парня, с которым знакома всего несколько дней, и рассказать ему все. Илья пока негатива не вызывал, но и доверия тоже, хотя Оля иногда и посматривала на его красивый профиль во время урока. Она вздохнула и открыла бесполезный учебник: немного надо подготовиться к тесту. Хотя списать не получится: тест будет в приложении Socrative. У каждого ученика свои номера вопросов и набор ответов. Учитель, сидя за столом, легко следит по своему планшету за скоростью и качеством выполнения теста.

– Не нервничай, – вдруг сказал ей Илья, – справимся.

– Как?

– Если нельзя одолеть врага силой, нужно применить хитрость, – опять подмигнул девушке сосед.

– Историк все равно увидит, если я буду тормозить с ответом, – удивилась Оля.

– Тормозить буду я, а ты ответишь хорошо. Меняемся обложками?

Оля посмотрела на соседа: такой вариант ей даже не приходил в голову. Действительно, если они поменяются корочками планшетов, Игорь даже не заметит, что отвечает не Оля, а Илья.

– А как же ты? Я тебе тест завалю.

– Плевать. Я историю сдавать не собираюсь.

– Но твоя помощь, все равно, что медвежья услуга. Знаний она мне не прибавит.

Илья внимательно посмотрел на девушку:

– Ты совсем не готовилась?

– Почему? Я учила.

– Вот и славно, – удовлетворенно хмыкнул он, взял Олин планшет и поменял обложки.

Тест прошёл хорошо. Игорь Владимирович, удивлённый тем, что Оля прекрасно справляется с вопросами, встал и подошёл к последней парте. Остаток теста он торчал рядом и внимательно следил за работой. Оля сразу занервничала. Пальцы сами попадали не на те цифры и выбирали не те ответы. Историк, довольный произведённым эффектом, сел на своё место, и Оля расслабилась.

– Слушай, как ты выдерживаешь такой прессинг? – спросил Илья, когда урок закончился и злой историк покинул класс. – За что он тебя так невзлюбил?

– Я не могу сказать, – ответила Оля и смущенно отвела глаза. Как она могла поделиться своей бедой с почти незнакомым парнем, когда даже подружка не приняла ее слова всерьёз?

С этого дня у историка не было ни одного шанса подойти к девушке. Даже если они случайно оказывались рядом, тут же на горизонте появлялся Илья и забирал Олю с собой. Игорь Владимирович разозлился не на шутку и стал вымещать своё недовольство на одноклассниках. Дело закончилось тем, что на учителя родители написали жалобу директору, причём сделали это открытым письмом, которое выложили на сайте школы для всеобщего обозрения.

Историк еле отбился от нападок администрации и немного поутих. Однако Оля часто ловила на себе его злобный взгляд и понимала, что этот человек так просто не отстанет.

Так и вышло.

Незаметно весна разгулялась. Отзвенела ручейками и капелями. Наполнила воздух ароматами свежей зелени и черемухи. Отгремела первыми грозами, напугала огородников последними заморозками. Промелькнул праздник последнего звонка, а следом один за другим прошли выпускные экзамены. Оля справилась с итоговой аттестацией достойно, даже историю сдала на весьма приличные баллы. Настроение было прекрасное, а на горизонте показалась новая цель: Саратовская юридическая академия, куда Оля собиралась поступать.

Оля справилась с итоговой аттестацией достойно, даже историю сдала на весьма приличные баллы. Настроение было прекрасное, а на горизонте показалась новая цель: Саратовская юридическая академия, куда девушка собиралась поступать.

С Ильей они хорошо подружились. Как юноша сумел договориться с упрямой Ириной Леонидовной, Оля не догадывалась, но с первого дня своего появления в школе до последнего он всегда сидел рядом.

Они вместе ходили в школу, готовились к экзаменам, уворачивались от преследования Игоря Владимировича. Это было интересно и смешно. Илья всегда находил законный способ, чтобы поставить историка на место.

Грезить о Сашке Степанове Оля стала все меньше, и наконец наступил такой день, когда она удалила из телефонной галереи все его фотографии. Теперь Жанна стала обижаться на подругу, что та больше времени проводит с соседом по столу, а не с ней. Кажется, ей нравился Илья, но тот смотрел только на Олю и не обращал внимания на первую красавицу параллели.

Но Оля ничего не замечала, тем более что отношения с Ильей незаметно переросли в нечто большее, чем простая дружба.

Вечером накануне выпускного Илья пригласил девушку на прогулку. Они бродили по маленьким улочкам, без причины, просто потому, что было тепло и упоительно пахла сирень, весело смеялись. Юноша сорвался с места, отломал кипенно-белую кисть и преподнёс Оле. Она с восторгом приняла подарок: это были ее первые цветы от молодого человека.

Они шли рядом и в какой-то момент замолчали. Оля украдкой посмотрела на Илью: рот растянут в полуулыбку, от синих глаз исходит сияние. «Какой он красивый! – невольно подумала она и гордостью огляделась. Весь ее восторженный вид говорил прохожим: смотрите, завидуйте, этот невероятный парень – мой лучший друг.

Оля опустила глаза вниз. Его узкая кисть с тонкими пальцами будущего хирурга покачивалась буквально в сантиметре от ее руки. Девушка как заворожённая смотрела на неё, а потом будто в омут прыгнула: задержала дыхание и вложила свою ладонь в его. Илья бросил на неё мгновенный взгляд, довольно улыбнулся

и крепко сжал хрупкие пальчики. Оля сразу почувствовала облегчение. Душа радовалась и пела: ее чувства взаимны.

– Я буду поступать в Саратов, – неожиданно сказал Илья. – Там тоже есть медицинский вуз.

– Правда? – только и смогла спросить глупая от блаженства Оля.

Илья резко наклонился и заглянул ей в глаза. Девушка от смущения покраснела.

– А ты думала, сбежишь от меня, рыжая?

– Н-нет, – прошептала она.

Илья двумя пальцами приподнял ее подбородок, Оля опустила веки. «Сейчас поцелует», – мелькнула мысль, а в груди все сжалось от предвкушения.

Друг нежно коснулся ее губ. Ей показалось, будто птичка крылом зацепила и улетела. Она распахнула глаза и столкнулась с внимательным взглядом, в котором застыл вопрос. И тогда девушка приподнялась на цыпочках, и сама неумело прижалась ко рту друга. Они целовались в парке, целовались в подъезде на каждом этаже и никак не могли расстаться.

У Оли кружилась от счастья голова, колотилось сердце, и бабочки порхали в животе. Она не загадывала далеко вперёд, не фантазировала, как сложатся их отношения с Ильей в дальнейшем. Важен был только этот миг юного счастья, который останется с ней навсегда.

– До завтра, – прощаясь, наконец прошептала Оля.

– Еще минутку, – не отпустил ее Илья.

– Надо идти, мама и бабушка волнуются.

– Ты же почти дома.

– Но они об этом не знают.

– Совсем спятили, оглашенные! – раздался крик за спиной.

Влюбленных мгновенно, словно ветром, разметало по сторонам лестничной клетки.

– Баба Аня, напугали как! – засмеялся Илья, узнав соседку.

– Марш по домам! Иначе все родителям расскажу.

– Баба Аня, не надо, – взмолилась Оля.

– Ишь, что удумали! Лизаться в подъезде!

– А вы разве молодой не были? – не сдавался Илья, а его рука ужа нашла пальцы Оли и сжала, что есть силы.

– Мы дети войны. Не до поцелуйчиков было.

– Ну, сейчас совсем другое время.

– Поговори мне еще!

Баба Аня замахнулась на Илью пакетом, он расхохотался, чмокнул Олю в нос и побежал по ступенькам наверх. Девушка скрылась за дверью своей квартиры и, прижав руки к колотившемуся сердцу, села в прихожей на пуфик.

– Где ты была? – выглянула из комнаты мама. – Почему на звонки не отвечала?

– Звонки?

Оля вытащила телефон и посмотрела на экран: пять пропущенных, а она, шальная от любви, ничего не слышала.

– Простите, простите, – девушка бросилась обнимать родных. – Мамулечка, бабулечка, я так счастлива!

– Счастлива она, – проворчала по привычке мама. – Спать пора. Завтра вручение аттестатов и выпускной. Тяжелый и долгий будет день.

Засыпая, Оля мечтала, как чудесно она проведет последний день с одноклассниками и друзьями.

Девушка еще не знала, что именно этот праздник опрокинет ее жизнь в ад, станет на долгие годы самым ненавистным и черным воспоминанием.

Глава 3

А все начиналось замечательно.

Салон красоты, куда записала Олю Жанна, находился в центре города. Подружки приехали заранее и ещё полчаса сидели в очереди, обсуждая купленные наряды, туфли и дальнейшие планы. Жанна видела себя актрисой. Оля сомневалась, что она поступит в Щукинское: много таких девочек с периферии едут покорять Москву, да не получается. Но убеждать Жанну бесполезно. Та, как молодая кобылка, закусила удила и несётся к цели, не разбирая дороги.

Прически девчонки сделали модные и стильные. Рыжие волосы Оли завили в крупные локоны. Макушку приподняли с помощью шиньона, который закрепили ободком, усыпанным сияющими камнями. Прическу завершала прямая чёлка, закрывавшая весь лоб.

Оля осталась довольна внешностью. С зеркала на неё смотрела томными серыми глазами неведомая красавица. Гладкая кожа с нежным румянцем, по-детски пухлые губы, покрытые розовой помадой, которая завершала макияж.

– Слушай, а ты ничего себе так! – восхищенно присвистнула Жанна. – Салоны красоты творят чудеса.

– Когда материал хороший, и результат впечатляет, – не согласилась с девушкой стилист. – У вашей подруги очень тонкие черты лица. Их чуть-чуть выделить, и ее красота засияет ярче солнца.

Жгучая брюнетка Жанна поджала красные губы, но спорить не стала. Оля довольно улыбнулась. В их паре она всегда была ведомой, а тут вдруг оказалась в роли лидера. Домой возвращались весело. Договорились встретиться через час, чтобы идти в школу на вручение аттестатов.

К рыжим волосам полагалось зеленое платье, но и здесь Оля пошла своим путём, чтобы создать неотразимый образ. Для вечернего наряда Оля выбрала серебристую ткань в тон глазам и такие же босоножки на высоких каблуках. Покрутившись перед зеркалом, она осталась довольна собой и, счастливая, выбежала из квартиры.

Илья ждал ее на лестничной площадке. Он молча оглядел подругу и поднял большой палец вверх:

– Красотка! Теперь тебя отбивать от кавалеров придётся.

– Не выдумывай! – засмеялась Оля. – Все девушки постарались и сегодня будут великолепны.

Действительно, выпускницы были одна другой краше. Радужный цветник радовал глаз и создавал отличное настроение. По одному выпускники выходили на сцену и получали аттестат, и совершенно неважно было в этот момент, какого он цвета, главное – это пропуск в большую жизнь. Илья с гордостью потряс перед носом родителей золотой медалью. Оля скромно показала родным аттестат с одной четверкой – по истории.

– Как обидно, Олюшка! – всплакнула бабуля, увидев слово «хорошо» среди сплошных «отлично». Может, надо было попросить Игоря Владимировича позаниматься с тобой?

– Родная моя, любимая! – обняла ее Оля. – Все просто замечательно! Я сама справлюсь, не печалься, не унывай.

С этими словами она закружила бабушку в танце и сдала на руки маме. Оля проводила родных до выхода и клятвенно пообещала, что ровно в двенадцать часов вызовет такси и приедет домой. По устоявшейся в школе традиции после бала все выпускники организованно выезжали за город встречать рассвет. Но Оля не хотела волновать маму, поэтому от поездки отказалась.

Вечер покатился точно по сценарию. Выпускники прошли в столовую, которая в эту ночь превратилась в изысканный ресторан. Сервировка поражала белизной накрахмаленных скатертей и сиянием хрусталя. Столы ломились от вкусных блюд. Традиционный бокал шампанского (и ни граммом больше) выпили под напутственную речь директора.

А потом была музыка, викторины и конкурсы. Оля веселилась от души, в танце меняла одного партнера за другим и не заметила, как уже кружилась в вальсе с Игорем Владимировичем. Почему бы и нет? Ну, не могла она отказать в последней просьбе учителя! Историк вёл себя галантно: руки держал на «пионерском» расстоянии, говорил красивые комплименты, ненавязчиво давал советы по поступлению. Они расстались как добрые приятели, не державшие камень за пазухой.

Время быстро приближалось к двенадцати часам. Уходить не хотелось.

– Оль, это твой последний день в школе, – уговаривала ее Жанна. – Что ты, как маленькая ляля, пойдёшь спать в кроватку так рано!

– И правда, Оля, оставайся, – вторили ей одноклассницы.

– Я не взяла с собой спортивную форму, чтобы переодеться, – отбивалась от подруг она.

– Не парься! – возразила Жанка, – у меня в классе есть кроссовки. Будешь выглядеть суперстильно в вечернем платье и спортивной обуви.

– Там же комары, – сопротивлялась Оля, но уже как-то вяло.

– Я отдам тебе свой пиджак, – подошёл сзади Илья. Этот аргумент и стал последней каплей, которая сломала оборону девушки.

Она позвонила домой, предупредила, что вернётся утром вместе с Ильей, и осталась в школе. Нам не дано предугадать, на какую дорогу выведут нас непродуманные решения. Вот и Оля не знала, что проводит последние часы счастливой жизни.

Автобусы привезли выпускников, родителей и учителей на озеро. Хорошо оборудованный пляж с грибочками, беседками и местами для пикников замечательно подходил для развлечения большого количества людей.

Ученики сразу разбрелись по берегу. Где-то раздались первые аккорды гитары. Самые смелые, получив разрешение от старших, полезли в воду купаться. Но основная масса крутилась возле родителей, которые организовали шашлыки и огненное шоу. Девушки собрались в беседке.

– Представляете, – грустно сказала Жанна, – вот так учились вместе одиннадцать лет, а теперь расставаться будем.

– Нестрашно, – убеждала ее Юля Смирнова, – на каникулах встретимся.

– У всех разное время каникул.

– Тогда придём на вечер встречи выпускников. С Ириной Леонидовной пообщаемся и расскажем, как и где устроились. Поделимся впечатлениями.

Оля слушала девчонок с улыбкой: в ее жизни все было расписано на пять лет вперёд. Сюрпризов не ожидалось.

– Пойдёмте шоу смотреть, – предложила она. – Хватит грустить.

Девушки сорвались с места и побежали к костру. Оля смотрела на огонь, на Илью, стоявшего напротив, и теплом наполнялась ее душа. Сердце трепетало от счастья. Кто-то протянул ей тарелочку с шашлыком, Она отвлеклась на шоу, а когда подняла глаза, потеряла Илью.

– Олька, тебя Шереметов ждёт у дальней беседки.

Оля повернулась, но не поняла, кто сказал эти слова. Она положила тарелочку на стол и пошла через пляж. Помахала рукой издалека Ирине Леонидовне. Под одним из грибков увидела Сашку Степанова с компанией друзей. Они стояли, наклонившись друг к другу, и ей показалось, что в руках ребят были одноразовые стаканчики. Оля остановилась, но в это момент Сашка поднял голову и грубо сказал:

– Что вылупилась? Иди, куда шла.

Обида ударила в голову, но Оля сдержалась. «Плевать! Если они такую хотят оставить о себе память, их дело».

Она добежала до последней беседки, ступила на дощатый пол и недоуменно огляделась: пусто.

– Илья? – окликнула Оля друга.

Эхо повторило за ней: «Иль-я-я-я!»

– Что за глупые шутки! – проворчала она.

Оля спустилась на землю, но не успела сделать ни шагу: сзади напали. Неизвестный накинул ей на голову пластиковый пакет и потащил в кусты. Синий блейзер свалился с плеч и остался висеть на ветке. Оля опомнилась от неожиданности и закричала – стенка пакета втянулась в рот и нос, перекрыла дыхание.

Паника захлестнула сознание, лишила способности адекватно оценить ситуацию. Лицо мгновенно покрылось испариной. Оля чувствовала, как ее волокут в глубь леса, и взмахивала, как бездушная кукла, руками. Кроссовки цеплялись за корни деревьев, ветки хлестали по ногам и рвали колготки. Она выдохнула, пакет распрямился, и снова закричала.

– Заткнись, сучка, – больно ткнули ее вбок.

Дыхание стало прерывистым и поверхностным. На третий крик не хватило кислорода, и девушка отключилась.

Очнулась она на земле. Пакет с головы исчез. Дышать по-прежнему свободно не могла: изо рта торчала вонючая тряпка, похожая на носок. Оля с трудом подавила приступ тошноты и открыла глаза: над головой качались ветки ели, сквозь которые радугой пробивались солнечные лучи, а сбоку она увидела ноги в джинсах и кроссовках. Нападавших было двое. Девушка подняла веки и посмотрела вверх: на лицах неизвестных чернели маски спецназовцев. Сквозь прорези блестели карие и синие глаза, жадно трепетали ноздри и хищно улыбались рты.

– Очнулась? Вот и ладненько, – глухо произнёс один. – Как-то неинтересно с бревном развлекаться.

Оля была ошеломлена, не понимала, что происходит, кто эти люди. Крупная дрожь сотрясала ее тело. Руки, связанные скотчем, болели. Она языком толкала тряпку, но не могла от нее избавиться. Глаза наполнились слезами. Они потекли к вискам, девушка сразу захлюпала носом, и дышать стало ещё труднее.

– Начинай. Вдруг кто увидит, – произнёс глухой голос.

Неизвестный с синими глазами деловито положил руки на колени девушки. Поняв, что он хочет сделать, Оля замычала, замотала головой, задергала ногами и руками, стараясь попасть по обидчику. Происходящее походило на кошмар. Насильник, пыхтя, преодолевая сопротивление, раздвинул девушке бедра, но Оля снова сжала ноги.

– Держи сучку! Какого хрена стоишь?

Тяжелое мужское тело навалилось ей на грудь, придавило к земле. Оля боролась изо всех сил, но задыхалась, поэтому была слабой. Она чувствовала, как второй рвёт колготки, срывает с неё трусики. И вдруг он остановился, замер, прислушиваясь к лесным звукам. Оля задержала дыхание: небольшая пауза всколыхнула в душе надежду, что насильник одумается.

Но зря. Что-то твёрдое стало вонзаться ей в промежность. Оля дергалась, но насильник не отступал. Он резко схватил ее за бёдра и прижал их к животу. Сложённая практически пополам, Оля не могла даже пошевелиться. В такой позе он наконец проник внутрь, и дикая боль пронзила ее тело. Оля изогнулась в немом крике, но жесткие ладони крепко сжимали ее ноги.

Сколько продолжалась эта пытка, Оля не знала. Ей казалось, что в неё вбивают бревно, с каждым ударом все глубже и яростнее. Иногда член насильника выскакивал наружу, Оля с всхлипом вздыхала, а потом он снова вонзался с удвоенной силой. Тело вздрагивало от каждого толчка, вибрировало и тряслось. Насильник над девушкой сопел, обливался потом, полукружиями расплывавшимся по маске. Сильный запах горячего мужского тела, смешанный со знакомым парфюмом, бил в нос, и инстинкт самосохранения заставлял Олю отворачиваться, часто дышать, чтобы избежать приступа рвоты, от которого она могла захлебнуться.

Напавший с каким-то злобным наслаждением выполнил свою работу и наконец затрясся, застонал, давление внутри живота исчезло вместе с остатками острой боли. Мужчина ещё секунду полежал, тяжело дыша и приходя в себя, потом откатился на бок и встал. Оля со стоном опустила затёкшие ноги, надеясь, что экзекуция закончилась, а она осталась жива. Она оперлась на локти и стала отползать в сторону.

Но опять ошиблась. Насильник схватил ее за ногу и притянул к себе, расцарапав нежную кожу о еловые иголки, ковром устилавшие землю.

– Теперь ты, – приказал он напарнику, застегивая джинсы. Тот нерешительно засопел и сделал шаг в сторону. Тогда первый толкнул его к девушке.

– Не могу, – сдавленно произнёс второй и подался назад. – Страшно.

– А на кулак нарваться не боишься? Давай!

– У меня и желания нет, – отказывался второй.

Оля слушала их перепалку с ужасом и молила Бога, чтобы кто-нибудь догадался, где она, и пошёл ее искать.

– А так будет? – одним рывком насильник перевернул девушку на живот, поставил ее на колени. Он с силой провёл по внутренней стороне ее бёдер ладонями, потёр пальцами больное место – Оля снова затряслась от ужаса и страха, потом похлопал по обнаженным ягодицам.

– Давай! По-собачьи. Можешь и вторую дырку расковырять. Разрешаю. Не бойся. Так она в глаза смотреть не будет.

Оля задёргалась, замычала, но сильные руки прижали ее к земле, чуть не придушив от усердия. В полуобморочном состоянии она почувствовала, как что-то вяло прикасается к коже ее бёдер, потом наливается и поднимается выше. Второй насильник скользнул в разорванную промежность легко, почти не причинив боли, но Оле уже было все равно: она потеряла сознание от недостатка воздуха.

Второй раз она очнулась от неприятного ощущения: ей казалось, будто сотни маленьких существ бегают по телу, оставляя жгучую боль. Она открыла глаза: летнее солнце уже поднялось над горизонтом и мгновенно ослепило. Дышать стало легче. Оля подняла по-прежнему связанные руки – кляп исчез. Насильники тоже.

Рот, растянутый вонючей тряпкой, открывался с трудом. Оля хотела крикнуть, но выдавила лишь хриплый сип. Она осторожно, перекатившись сначала набок, села, но маленькие существа зашевелились активнее.

Боль окончательно привела ее в чувство. Оля посмотрела на ноги и с ужасом вскочила, но не удержалась на ногах и снова упала… в муравейник. Теперь уже тысячи крохотных ног бежали по ее телу, а маленькие жала наносили удар за ударом. Из челюстей вылетали капли муравьиного яда, попадали на обнаженную и травмированную кожу и жгли огнём. Тело с задранным на грудь серебристым платьем было сплошь покрыто насекомыми, одолевавшими врага, который разрушил их дом.

Оля приподнялась на четвереньки и завертелась на месте, сбрасывая с себя муравьев, но их были тысячи. Тогда она встала, держась за кусты и деревья, побрела к просвету между елями и вышла на какой-то пляж. Чуть не ползком она добралась до озера и погрузила тело в холодную воду. Последнее, что уловило угасающее сознание, это рыжий шиньон, качающийся на волнах.

Здесь и нашли ее спасатели.

Глава 4

Илья весь вечер любовался Олей. Она всегда для него была красоткой, но сегодня он просто не мог отвести глаза. Тоненькая, стройная, с огненными волосами, разбросанными по его спортивному блейзеру синего цвета, она казалась ему неземным созданием, феей, спустившейся с небес.

– Илюха, иди сюда, – окликнул его Мишка Зверев, маленький толстячок, которого Илья как-то незаметно взял под свою опеку.

– Чего тебе? – он недовольно повернулся к нему.

– Пошли купаться!

– Не хочу.

– Да ладно тебе. Никуда твоя Звонарева не убежит.

Илья повернулся к Оле, но та на него не смотрела. Она весело смеялась какой-то шутке подруги и притопывала в такт гитарного ритма.

– Ну, пошли. Оля! – позвал он девушку. – Оля! – Но девушка его не слышала.

– Что ты к ней пристал? Дай девчонке поболтать с подружками. Неизвестно, когда еще встретятся.

Илья махнул рукой и побежал за товарищем. Купание здорово освежило его тело и мысли. Действительно, а вдруг он душит любимую своим присутствием? Не дает общаться с другими. «Это неправильно. Нужно оставлять друг другу свободное пространство», – решил он и подошел к группе друзей, собравшихся в одной из беседок.

Ребята соединились в кружок. В руках у каждого был пластиковый стаканчик со спиртным. Новых компаньонов приветствовали взмахами импровизированных бокалов. Глаза у всех сияли нездоровым блеском. Чувствовалось, что это уже не первый тост.

– Откуда? – Илья кивком показал на бутылку, зажатую в руках Сашки Степанова. Сначала он хотел уйти, но показывать открытое пренебрежение и заниматься морализаторством не стал: кроме него желающие найдутся.

– Мне папаня подкатил, – ответил Сашка. – А что, взрослые уже. Смешно даже: бокал шампанского и ни граммом больше, – передразнил он кого-то. – Восемнадцать исполнилось, значит, имею право.

– Ну, смотри. Все же это выпускной, – отодвинул Илья протянутый стакан, – я не буду. Что-то не хочется.

И вправду, взрослые. Сами разберутся.

– Что вылупилась? Иди, куда шла, – услышал он громкий голос Сашки и хотел повернуться, но его удержал за локоть Мишка.

– Не обращай внимания, – умоляюще шепнул он ему на ухо. – Потусуемся здесь чуток и пойдем.

Илья покосился на товарища и уступил. Парень, можно сказать, только благодаря ему приобщился к компании лидеров. Когда они расстанутся, Мишка снова погрузится в скучную и унылую жизнь.

Постепенно языки у всех развязались. Говорили, конечно, о девчонках. Обсуждали за глаза отца Никиты, который напился на выпускном вечере и теперь сидел в озере в семейных трусах и пугал девчонок. Зло прошлись и по некоторым учителям.

– Слушайте, а Игоря Владимировича никто не видел?

– Нет. Он на озеро не поехал, – ответил кто-то.

– Странно. Этот препод ни одной тусовки не пропускает. Говорят, с ним весело.

«И правда, странно», – подумал Илья, и его сердце болезненно сжалось: он уже полчаса не видел Олю.

– Миш, пора сваливать, да и пустозвонство уже надоело. Ты со мной?

– Я еще потусуюсь, – виновато ответил друг.

– Ладно, я пошел, – попрощался он. – Ты тут не напивайся. Потом неприятности расхлебывать придется.

Миша утвердительно кивнул, и Илья вернулся к костру.

– Где Оля? – спросил он у Жанны, которая пела в кругу походные песни.

– Здесь была. Я за ней не слежу.

Илья внимательно огляделся. Чувствовалось, что праздник подходил к концу. На скамейках сидели полусонные девушки и учителя. Родители убирали посуду, остатки еды, складывали мусор в мешки. Классные руководители разыскивали по беседкам и грибкам подопечных. Ирина Леонидовна выгоняла купальщиков из воды. Приехали автобусы, и водители нетерпеливо поглядывали на пляж, желая поскорее разобраться с работой.

Оли нигде не было видно. Сначала Илья не волновался. Спокойно обходил весь пляж, расспрашивал выпускников. Девушка будто сквозь землю провалилась. Он не решался обратиться за помощью, потому что боялся ненароком подставить подругу. Когда все стали рассаживаться по автобусам, он не выдержал, обратился к классу:

– Ребята, Олю кто-нибудь видел?

– Илья, ты о чем сейчас говоришь? – вскинулась Ирина Леонидовна. – Вы же вместе были!

– Последние полчаса я ее не видел, – смутился Илья.

– Жанна, где Оля?

– Я тоже ее не видела, – опустила глаза Олина подружка.

– Как не видела? – вскинулся Илья. – Вы же все время вместе были!

– Что вылупился на меня? Я что, обязана Звонареву караулить? – огрызнулась Жанна и, заметив, что весь автобус обернулся на ее голос, сказала уже едва слышно: – Я думала, она с тобой.

В автобусе наступила тишина. Водитель повернулся к салону:

– Ну, народ, поехали? Ремни пристегнули? Я штраф за вас платить не собираюсь.

Не успев получить ответы на вопросы, он поддал газу, и автобус тронулся с места.

– Нет! Подождите! – закричала Ирина Леонидовна и вскочила. – У нас девочка пропала, – Дети, сидите на местах! Я сейчас!

Она бросилась к открывшиеся двери, спрыгнула на землю и бросилась наперерез соседнему автобусу, в котором ехала администрация.

Началась паника. Выпускники встревожено перешептывались, девушки с жалостью поглядывали на Илью. Он встал и снова обратился к одноклассникам:

– Ребята, такого просто не может быть, что Олю никто не видел. Постарайтесь вспомнить.

Мишка дернул его за рукав рубашки и заставил его сесть рядом.

– Я ее видел, – тихо сказал он.

– Где? – вскинулся Илья.

– Когда мы были в беседке, она мимо проходила, – прошептал Зверев.

– Ты почему мне сразу не сказал? Еще друг называется.

– Я думал, она гуляет. На нее Сашка накинулся. Я испугался, что ты с ним разбираться начнешь и вечер испортишь.

Зверев виновато опустил взгляд. Илья махнул на него рукой и побежал за Ириной Леонидовной. Вместе они дошли до беседки, где выпивали выпускники, потом расширили границы поиска. Весь класс растянулся цепочкой вдоль кромки леса. Ребята заглядывали под каждый куст, за каждое дерево.

– Ирина Леонидовна, – закричала Жанна. – Смотрите!

Теперь и она была встревожена. Большие черные глаза наполнились слезами. Илья первый прибежал на зов и увидел в руках девушки свой блейзер.

– Где ты его взяла? – набросился он на Жанну.

– Тут висел, – растерялась та.

– Оля там!

Илья рванул в кусты, но его успела перехватить Ирина Леонидовна.

– Шереметов, – спокойно, но с металлом в голосе сказала она. – Останься здесь, присмотри за ребятами. Дальше пойдет только взрослые.

И эти тихие слова прозвучали набатом. Все внезапно поняли: случилась беда. Девочки тоненько заплакали, зажимая рот ладошками, юноши сошлись в кружок и о чем-то тихо разговаривали.

– Я не могу! – затряс головой Илья. – Я с вами! Поймите, я чувствую, Оля там.

Его глаза лихорадочно заблестели, он вырвал руку и побежал в лес. За ним бросился водитель автобуса и физрук.

– Стойте! – их догнала Ирина Леонидовна. – Нельзя действовать спонтанно. Мы не знаем, то случилось.

– А если девочка нуждается сейчас в помощи?

– Тогда я иду с вами.

Вчетвером они продирались сквозь прибрежный бурелом, но следов Оли не видели. Серебристый обруч заметил Илья. Пулей он метнулся к тому месту, где заметил блеск. Ирина Леонидовна еле успевала за ним.

– Мы правильно идем. Здесь была она, – дрожащим голосом закричал Илья. – Оля! – он сложил ладони рупором. – Оля! Откликнись! Ау!

Он уже не мог сдерживать эмоции. Его трясло от переживаний, чувства вины и адреналина, разлившегося в крови.

Дальше все просто бежали, не обращая внимания на ветки, бьющие по лицам, корни деревьев, цепляющиеся за ноги. Увидев просвет между кустами, бросились туда. Тропинка вывела их на берег озера, вдоль которого тянулся маленький песчаный пляж. Пустой.

Илья лихорадочно огляделся и уже собрался вернуться в лес, как вдруг заметил на поверхности воды что-то рыжее.

– Оля! – боль ударила в грудь. – Там Оля!

Он бросился к озеру, проваливаясь в песок.

– Нет! Держите его! Не пускайте! – страшным голосом крикнула Ирина Леонидовна. – Я сама.

Физрук и водитель автобуса среагировали правильно. Они кинулись на Илью и повалили его на землю. Он рычал сквозь слезы, боролся, даже укусил кого-то, но ничего не мог сделать с двумя сильными мужчинами.

Илья видел, как классная руководительница бросилась в воду, как приподняла голову Оли и положила себе на колени, как ритмично закачалась, будто убаюкивала ребенка. видел, как колыхались по песку рыжие волосы и рычал, словно раненый зверь. Ему показалось, будто Ирина Леонидовна причитала, но

слов не расслышал.

Из леса показались другие учителя, а следом бежали выпускники.

– Вызовите скорую! – крикнула им Ирина Леонидовна. – Детей сюда не пускайте!

– Скорую? – Илья дернулся из последних сил. – А-а-а! – вырвался крик из сведенного спазмом горла.

– Лежи парень! Лежи! – пробормотал ему в шею физрук. – Тебе лучше не смотреть.

Кто-то накинул на его голову пиджак, но Илья в последний миг заметил, что Ирина Леонидовна сдернула с себя куртку и накрыла Оле ноги.

– Оля мертва? Да? – частил скороговоркой зажатый в тиски Илья, и у него все дрожало внутри, словно органы превратились в кисель. – Мертва?

– Тьфу ты, оглашенный! – водитель больно ткнул его в бок. – Мертвым не ноги, а голову покрывают. Придумал тоже, дурачина!

– Раз скорую вызывают, значит, жива, – поддержал его физрук. – Типун тебе на язык, мальчишка!

– Тогда отпустите меня, прошу. Я уже успокоился.

– Нет, уж, лежи. Если пойдешь, девушка тебе не простит, что ты ее в таком состоянии увидел.

– В каком состоянии? – все еще не понимал Илья. – Что случилось, скажите?

Мужчины ослабили захват и даже помогли ему сесть, но следили за каждым движением. Илья вытягивал шею, пытаясь разглядеть подругу, но учителя окружили девушку так, что ничего не было видно.

Его лицо внезапно задрожало, сморщилось, разрядка наступила настолько внезапно, что он даже не заметил, он горько заплакал.

– Поплачь, сынок, поплачь, – вздохнул водитель и потрепал его по плечу. – Мужчины тоже плачут, когда им плохо.

– Это я виноват, понимаете, я! – с нажимом выкрикнул Илья. – Я обещал Олиной маме, что буду рядом с ней, а сам… сам… развлекаться пошел!

– Что поделаешь. Разве мы можем предугадать, какие результаты будут у наших поступков?

– А что с Олей случилось? – наконец юноша выдавил из себя вопрос. Первый приступ боли прошел, в работу включился разум. – Она бы сама сюда не пришла.

– Не знаю сынок, не знаю, – вздохнул водитель.

– Если там только женщины, – покачал головой физрук, – сам понимаешь.

Мужчины замолчали. И хотя сознание уже подкидывало страшную догадку, душа не принимала ее, гнала мысли о плохом прочь. Илья со стороны наблюдал, как приехала скорая и полиция. Он уже успокоился, отбросил растерянность и панику. Холодная решимость волной поднималась в груди.

– Отпустите меня, – попросил он. – Я не убегу. Да и полиция всех допрашивать будет, я первый на очереди.

– Точно не рванешь в кусты? – засомневался водитель.

– Зачем мне это? Хочу всех послушать и понять, как Оля оказалась в этом месте. Я уверен, что ее заманили в ловушку.

– Даже так? Уверен? – физрук подозрительно посмотрел на него.

«Конечно, – подумал Илья, но вслух ничего не сказал. – И я даже знаю, чьих поганых рук это дело. Точно знаю: это он!».

Глава 5

«Это точно он! Больше некому. Сволочь! – мотался по кругу Илья.

Его уже больше не держали, но и стоять на месте и безучастно наблюдать он не мог. Нужно действовать! Нужно что-то делать! Он видел, как вокруг Оли суетятся врачи, как девушку кладут на носилки и несут к скорой. Его по-прежнему колотило, тело рвалось к любимой, но в голове гвоздем сидел враг.

Быстрый взгляд в сторону – никто на него не смотрит. Юноша замер, а потом рванул что есть силы в просвет между деревьями. Он слышал сзади крики и топот ног, но нёсся вперёд, не оглядываясь.

«Это он! Это он!» – в такт шагам стучало в висках. Сердце билось, как сумасшедшее, глаза мгновенно вычисляли удобную дорогу, мозг давал команду ногам. Ни разу Илья не споткнулся, не потерял направление. Включились в работу какие-то неведомые силы. Древний инстинкт охотника вёл его к поставленной цели.

Он выскочил на трассу за минуту до появления скорой помощи. Когда увидел машину, неторопливо выезжавшую с грунтовки на шоссе, замахал руками, а потом и вовсе встал посередине дороги. Испуганный водитель ударил по тормозам, и скорая остановилась.

– Ты с дуба рухнул, балбес? – выглянул в окошко лысоватый мужичок в темных очках.

– Там моя девушка, – махнул рукой Илья, – пустите!

– Илья, уходи, – выглянула из салона Ирина Леонидовна, которая сопровождала в город Ольгу. – Тебя станут разыскивать.

– Не станут, если вы скажете, что я в скорой вместе с Олей. Ирина Леонидовна, умоляю, возьмите меня с собой. Иначе я не знаю, что сделаю. Я ни минуты больше не выдержу.

– Ишь, чего захотел! Будут тут малолетки взрослым указывать! – не сдавался шофёр.

– Я с дороги не уйду, – тихо ответил Илья, – что хотите делайте. Прямо здесь лягу.

И столько силы и тоски было в его голосе, что фельдшер скорой не выдержала.

– Ладно тебе, Степаныч, не тирань парня. Видишь, на нем лица нет. Иди сюда, – позвала она Илью и открыла дверь машины.

Второго приглашения ему не потребовалось: Илья вскочил в салон и замер, не решаясь посмотреть на Олю.

– Я тогда вернусь на пляж. Там без меня тоже полный хаос, наверное, – решила Ирина Леонидовна. – На тебя можно положиться?

– Не сомневайтесь! – с силой выдавил Илья.

– Тогда договорились. Я уже сообщила маме и бабушке Оли. Они приедут прямо в больницу. Ты их дождись, пожалуйста.

Илья согласно кивнул. Ирина Леонидовна легко спрыгнула на землю, махнула рукой и исчезла в придорожных кустах. Скорая тронулась.

– Что ты застыл? Садись, – постучала по скамейке возле лежащей девушки фельдшер.

Илья сел и наконец бросил несмелый взгляд на подругу. Оля лежала без движения. Бледное лицо со следами потекшей чёрной туши казалось прозрачным. Из-под одеяла выглядывала узкая рука в синих прожилках. Инородным телом смотрелись яркие ногти и рыжие волосы, разбросанные по подушке. Юноша несмело взял тонкие пальцы и слегка сжал.

– Что с Олей? Она без сознания? – выдавит он из себя вопросы.

– Нет. Просто спит. Мы ей вкололи успокаивающее. После того, что она пережила, оно ей как воздух нужно.

Илья не отрываясь смотрел на Олю. Мыслей не было. Вернее одна не давала покоя, но пока он отодвинул ее в дальний уголок сознания, чтобы не мешала.

– Оля поправится?

– Физически – да, а психически – не скоро, – вздохнула фельдшер. – Ты хочешь знать, что с ней случилось?

Илья секунду помолчал и кивнул. В груди сжался комок. Ему казалось, что если он не выпустит сдерживаемые эмоции, то разорвётся на крошечные кусочки. Хотелось выскочить из скорой и закричать.

– Изнасилование…

Илья задержал дыхание и зажмурился. Дальше он не слышал женщину. Полчаса. Всего на полчаса он потерял Олю из виду, а тут такое…

«Купаться, блин, захотел!» – он потер глаза, перевёл взгляд на бледное лицо Оли и наконец осмелился спросить:

– Что изнасилование?

– Ну, оно не причинило девушке сильного вреда. Разве что забеременеет случайно, – брякнула, не подумав, фельдшер скорой и, увидев ошарашенное лицо Ильи, зачастила, – ты, парень, лишнего не придумывай. Медицина сейчас творит чудеса. В больнице все сделают правильно.

Илья сжал пальцы в кулак так, что ногти впились в ладонь и часто задышал. Слезы ярости подступили к горлу. Комок в груди вырос до невероятных размеров. Он сжал челюсти так сильно, что заскрипели зубы. Только усилием воли он не закричал от отчаяния.

– Парень, ты чего? – испугалась фельдшер. Она уже поняла, что сболтнула лишнего, что перед ней не зрелый мужчина, способный справиться с нервами и

эмоциями, а юноша, почти мальчишка.

– Все в порядке, – с трудом расцепил челюсти Илья. – Что тогда случилось, ну… кроме этого…

– Не знаю. От пояса до кончиков пальцев кожу девушки покрывали красные волдыри. Она была без сознания. Очень похоже на сильный химический ожог или аллергическую реакцию на что-то. Оля находилась в воде. Это ее и спасло. А ещё помогло, что вы ее быстро нашли. Так что, парень, надо радоваться, что твоя девушка жива.

– А чем вызван ожог?

– Не знаю. Даже представить не могу. Полиция, думаю, разберется.

«Я с тобой, урод… Не знаю, что сделаю!» – подумал Илья, машинально поглаживая руку Оли.

Внезапно он почувствовал, как тонкие пальцы шевельнулись. Быстрый взгляд на лицо любимой – Оля смотрела на него, но, казалось, ничего не видела. Она застонала и снова опустила веки.

– Оля, что? – наклонился он к девушке. – Где болит?

– Не мешай ей, пусть поспит. Во сне и болячка меньше станет, – отодвинула его фельдшер. – Смотри, уже приехали.

Илья поднял голову: скорая стояла перед входом в городской стационар. Медики с каталкой уже ждали их. Пока Олю оформляли, он все время находился рядом. Осматривал девушку заведующий гинекологическим отделением. Илью выставили за дверь. Не успел он сесть на диван, как в дверь ворвались родные Оли. Заплаканная мама бросилась к Илье.

– Как же так, Илюша! Олечка же с тобой была, – застонала бабушка. – Ты сказал, что привезёшь ее домой.

– Простите меня, Варвара Петровна! – прошептал Илья.

Чувство вины просто сжигало его душу. Желание закричать вновь вернулось с такой силой, что юноша выскочил из приемного покоя и остановился только на подъездной аллее, когда услышал, как скрипят тормоза встречной машины.

Он слушал крики водителя и понимал, что второй раз за утро он бросается под колёса, совершенно не думая о последствиях. «Трус! Так тебе и надо!» – билась в висках мысль. Илья огляделся и пошёл назад: трудности надо встречать лицом к лицу, а не бегать от них. Когда он был на крыльце, раздался звонок.

– Да, – ответил Илья.

– Ты где? – услышал он голос папы. – Давно уже должен быть дома. Что-то, сын, ты загулял.

– Папа, я в городе. В больнице. Кое-что случилось. Не со мной, не переживай. С Олей. Я пока домой не приду.

Илья отключил телефон, недослушав отца. Не до нравоучений сейчас. С родителями он потом разберётся. Со всеми делами разберётся потом, когда немного успокоится. А пока…

Он вернулся в приемный покой. Сейчас Илья чувствовал, что должен остаться с родными Оли. Мама и бабушка сидели на диване, обнявшись. Бабушка ритмично поглаживала грудь. Увидев Илью, они с надеждой посмотрели на него.

– Врачи бегают мимо и ничего не говорят. Илюша, как нам узнать про Олечку? – обратилась к нему мама.

Илья отвел взгляд, он боялся смотреть на несчастную женщину. Ему было плохо только от мысли о том, что он не выполнил своё обещание.

– Олю осматривают врачи. Ее скоро привезут. Не волнуйтесь.

Не успел он успокоить женщин, как из смотровой показалась каталка с Олей. У неё по-прежнему были закрыты глаза. Мама и бабушка бросились к девушке.

– Олечка!

Внезапно Варвара Петровна схватилась за грудь и остановилась. Как в замедленной съемке Илья наблюдал, как у неё подогнулись колени, и старая женщина стала падать. Он очнулся, подхватил бабушку под мышки, случайно коснувшись груди, отдернул руки и упал вместе с ней. К ним кинулись врачи. Они оттолкнули Илью в сторону и занялись Варварой Петровной.

Он медленно встал. Каталка с Олей удалялась в сторону палаты. Мама девушки растерянно стояла посередине коридора, и видно было, что она не знает, куда бежать. Илья сделал шаг к ней навстречу, но она выставила перед собой руки, будто защищаясь.

– Уйди! – вырвался из горла сдавленный крик. – Уйди с глаз моих! Не могу на тебя смотреть…

Илья побежал…

Выскочив на улицу, он остановился и посмотрел на часы: восемь тридцать утра. Невольно удивился. Казалось, он прожил целую жизнь, а прошло только два часа. Комок, который давил на грудь и не давал дышать, внезапно исчез. Илья потряс головой: она была ясная, чистая от посторонних мыслей и холодная.

Он достал телефон, набрал номер и терпеливо ждал, пока ответят.

– Что надо? – услышал он в трубке сонный голос Сашки Степанова.

«Вот, козел! Все ему нипочём! Дрыхнет уже», – мелькнула злая мысль, хотя разумом он понимал, что выпускников должны были уже привезти домой. Естественно, что после бессонной ночи они легли спать.

– Ты знаешь, где живет Игорь Владимирович?

– На фиг он мне сдался? – вопросом на вопрос ответил Степанов, и в голосе Илья уловил странные нотки.

– Так знаешь, или нет?

– Ну, знаю.

– Говори адрес.

– Зачем он тебе?

– Не твоё дело. Говори.

– Илюха, ты чего? Думаешь с твоей Ольгой историк что-то сделал? – сна в голосе уже не было.

– Просто мне надо с ним поговорить, – уклонился от прямого ответа Илья.

– Так он, наверное, тоже спит после бессонной ночи.

– В честь чего? Он же с нами на озеро не ездил.

– Да? Странно, мне показалось, что я его видел.

– Где? – вскинулся Илья.

Сомнения, которые до этого терзали его голову, сразу развеялись.

– Да, ладно тебе, Илюха. может, мне и показалось. Знаешь Димона Малыша из медицинского класса?

– Это придурочный такой? Которого с метом недавно поймали?

– Ага. Представляешь, сам сварил, чистейший! Во голова у химика! – восторженно воскликнул Сашка, но тут же притих: сболтнул лишнего, а с Димоном шутки плохи. – Вот с его компашкой я и видел мужика, похожего на Игоря.

– Адрес давай! – приказал Илья.

– Илюха, не придумывай. Я же говорю, может, показалось, – заюлил Сашка, но Илья оставался непреклонным. Страдания Степанова его не интересовали. Он снова, как хорошая охотничья собака, почуял след.

– Телефон Димона дай.

– А Димон тебе зачем? – заныл перепуганный Степанов: вдруг сейчас Шеремет его сдаст!

«Господи! И в этого нытика были влюблены все старшеклассницы?» – брезгливо подумал Илья и ещё больше надавил:

– Я сейчас к тебе домой приеду.

Через секунду он уже записывал и номер телефона Димона, и адрес Игоря Владимировича. Первый на очереди был Малыш. Такое прозвище парень получил за почти двухметровый рост и противный писклявый голос. Парень обладал прекрасным умом, чутьем настоящего химика, но направлял свою деятельность куда-то не в то русло. Агрессивный, ершистый, он всегда попадал в неприятные истории. Если где-то пахло гадостью, обязательно там находили след Малыша.

Но что рядом с этим кандидатом в уголовники мог делать интеллигентный и брезгливый Игорь Владимирович? Илья уже набрал номер Димона, но сбросил. Сомнения вновь стали одолевать его. Он сел на скамейку в скверике перед приемным покоем и закрыл глаза. Надо обдумать ситуацию. Как бы он ни был зол, устраивать разборки с невиновным человеком не в его правилах.

Размышлял недолго. Вариантов все равно нет. Илья посмотрел на телефон и нажал кнопку вызова. Когда наконец хозяин номера ответил, сразу задал вопрос в лоб, чтобы Димон не успел одуматься.

– Говорят, утром рядом с тобой Игоря Владимировича видели?

– И кто это такой умный зубами щёлкает?

– Какая разница. Историк на пляже был или нет?

– Ну, был. А чо?

– Во сколько вы встречались?

– Не, паря! Ты чо, опупел? Я по какому рожну тебе докладывать должен?

– Дим, не ершись. Слышал ведь, что случилось. Мне очень важно знать, чьих рук это дело.

– Ты на Игоря думаешь? Да кишка у этого интеллигентика тонка! Он за свою шкуру трясётся, на такое дело не пойдёт. Зуб даю. Пришёл меня воспитывать, чтобы я свою жизнь горемычную не пустил по ветру, – ёрничая, рассказывал Димон. – Я прямо его услышал и исправился. Тьфу! Терпеть не могу лакеев!

– Откуда знаешь, что не пойдёт?

– К гадалке ходить не надо. Игорь весь вылизанный, чистенький. Сразу видно: маменькин сыночек. Руки марать не станет.

«Ага, конечно! Много ты знаешь! Если не сам, то нанять вполне мог. И с Олей поговорить нельзя. Вот засада!» – думал Илья.

Он отключился, расстроившись, что разговор с Малышом ни к чему ни привёл, встал, так и не приняв решения, и вдруг увидел, как к приемному покою подъехала полицейская машина. Из неё вышли два человека и направились к больнице. Илья сорвался и через секунду преградил им путь.

– Вы с Олей Звонаревой хотите поговорить?

– Допустим. А ты кто будешь?

– Я друг Оли. Ее одноклассник. Илья Шереметов.

– Тот, кто сбежал с места преступления?

– Я не сбежал. Просто хотел быть рядом с девушкой в трудной ситуации. С вами можно поговорить?

– Давай, поговорим, коли хочешь, – лениво ответил пожилой человек с лысиной. – Петр Валентинович, ты иди пока с врачами побеседуй, с родными.

– Оля ещё спала. К ней не пускают. Приехали мама и бабушка… – Илья остановился и тяжело задышал: отчаяние нахлынуло так, что его благополучие показалось чем-то неправильным, неуместным.

– Парень, ты чего? – нахмурил брови полицейский. – Плохо?

– Сейчас пройдёт. Бабушке плохо стало. Меме Оли сейчас не до разговоров. Она не знает, с кем рядом быть.

– Вот незадача! – крякнул полицейский. – Свою работу иногда не люблю потому, что в душу к людям лезть приходится, когда у них и так горе горькое. Ну, а ты, что хотел?

– Скажите, что вы нашли на месте преступления? Мне очень важно знать. Почему у Оли такой сильный химический ожог?

– Все просто. Лесные муравьи. Одиночный укус нестрашен и почти безболезнен, но, когда их тысячи… Страшное дело. Жалко девушку.

– Так ее… прямо там, где муравейник? – Илья выдавливал эти вопросы с трудом.

От холодной головы не осталось и следа. В груди бушевало пламя, которое могла погасить… Илья не знал пока, что, но оставаться на месте не мог. Он вскочил, сделал два шага, потом сел. И снова вскочил.

– Эй, ты чего задёргался! Конечно, нет. Насильник не стал бы себе вредить. Он подлое дело совершил рядом, там нашли следы…

– Чего?

– А вот это уже не твоё дело. Тайна следствия. Одно скажу, девушка не сама в этот уголок пришла. Не знаю, как он ее заманил, но расправился с ней жестоко.

Полицейский встал. Илья вскочил тоже. Огонь, полыхающий в груди, охватил уже и голову и требовал немедленного действия. Не разбирая дороги он, направился к дому историка.

Игорь Владимирович жил недалёко от школы. Илья быстро добрался до его дома, поднялся на нужный этаж и позвонил. В груди все клокотало. Дверь открыла молодая женщина с большим животом. Илья растерялся и даже сделал шаг назад, но потом решительно спросил:

– Игорь Владимирович дома?

– Да. Спит. Он недавно пришёл домой после выпускного. А что случилось?

– Разбудите его! – сдавленным голосом крикнул Илья.

– Не буду. Муж устал. Почему я его должна будить?

Илья отодвинул ее в сторону и побежал по комнатам. В спальне увидел историка, схватил его за ноги и сдернул на пол.

Глава 6

Игорь Владимирович с грохотом упал. Он открыл глаза и, подслеповато щурясь, попытался разглядеть, кто перед ним, хотя спросонья не понял, что происходит. Историк приподнялся на локоть, но Илья ногой толкнул его назад. Злость клокотала в нем с такой силой, что он едва сдерживался, чтобы сразу, не разбираясь, заехать кулаком в эту мерзкую физиономию.

Историк выглядел беспомощным и слабым. Семейные трусы в полоску, натянутые на бледное тело, в другой ситуации вызвали бы смех, но Илья не смеялся. Чувство омерзения к этому человеку переполняло его.

– Лежи, падаль. Повеселился с утра, теперь дрыхнешь как ни в чем не бывало?

– Шереметов, ты что делаешь в моей квартире? – пришёл в себя от неожиданности учитель. Он сел, потом, видя, что противник не нападает, прислонился к кровати. – лучше убирайся! Надеюсь, ты понимаешь, что придётся отвечать за свои действия?

В его голосе появились металлические учительские нотки, которых боялись самые отъявленные хулиганы. Все в школе знали, что с историком лучше не связываться: заклюёт неугодного. Мстить будет мелко, часто и гадко. От бесконечных троек до удаления с урока по пустяку и долгих бесед с родителями, во время которых Игорь Владимирович с упоением расписывал, какое у них неразумное и невоспитанное чадо. Отработанная система унижения действовала безотказно.

Даже по классу он ходил, постукивая по столам металлической линейкой. Провинившиеся всегда настороженно следили за рукой учителя. Он никогда не бил подопечных. Боже упаси! Это антипедагогично! Однако ударить линейкой стремился так, чтобы она оказалась в миллиметре от ученика. «Держать класс в страхе и повиновении», – этот девиз историка знали все.

Вот и теперь Илья замер. Он наблюдал, как Игорь Владимирович, не торопясь, набрасывает на плечи домашний халат, кивает обеспокоенной жене, мол, все в порядке, и понимал, что момент упущен. Он растерялся, не сумел использовать эффект неожиданности, и теперь враг уже придумал план действий.

– Объясни мне, что ты делаешь? – пошёл в наступление историк.

Видно было, что он уже пришёл в себя. Паника, мелькнувшая на секунду в глазах, исчезла, а появилась уверенность, что ученик, если он, конечно, здоров психически, никогда не нападет на учителя.

– Вы знаете, что случилось с Олей Звонаревой? – тихо спросил Илья.

– Конечно, об этом вся школа знает. Ты решил разбудить меня, чтобы задать этот вопрос?

– Вы были на пляже?

– Нет. Я после выпускного отправился домой. Сам видел, у меня жена вот-вот родит. Шереметов, я не понял, на каком основании ты мне устраиваешь допрос?

– А Димка Белоусов говорит, что вы приезжали.

– И что с того? Заехал на пять минут, чтобы мозги прочистить Белоусову. Совсем обнаглел, моих восьмиклассников к себе в подмастерья взял.

– А жена ваша сказала, что вы до конца оставались. – не отступал Илья.

– Вот курица безмозглая! – историк с ненавистью посмотрел на дверь, откуда выглядывала испуганная женщина. Та мгновенно скрылась.

– И потом, зачем ехать на пляж, чтобы промыть мозги, как вы говорите, когда спокойно можно сделать это в школе?

– Сопляк! Я перед тобой отчитываться не обязан. А если бы твоя Звонарёва не шлялась по кустам, ничего бы не случилось.

– Вы сейчас о ком говорите? – Илья чувствовал, что снова закипает.

– Ты чего дурачком прикидываешься, Шереметов? Твоя рыжая ещё та штучка! Все хвостом передо мной крутила. И так сядет, и эдак. То титьки на стол вывалит, то юбку задерёт. Все бабы шлюхи.

Учитель встал, подошёл к зеркалу, полюбовался своим отражением, потом повернулся к Илье. И столько самодовольства светилось на ухоженном лице, что Илья сорвался. Долго сдерживаемые эмоции потоком выплеснулись, как вода из опрокинутого ведра.

– Ах, ты сволочь!

Он бросился на историка и протаранил его головой. Взмахнув руками, учитель врезался в зеркало шкафа, которое тоненько задребезжало и разошлось от места удара нитями трещин. Опомниться учитель не успел: Илья, ничего не

замечая вокруг, как заведённый, бил его кулаками, куда придётся.

– Натка, вызывай полицию!

Услышал он сдавленный крик историка, но не остановился. В душе росло что-то жуткое, звериное и не контролируемое сознанием. Хотелось зарычать, вцепиться в глотку врагу и разорвать его зубами.

Игорь Владимирович не сопротивлялся. Под градом ударов он сполз на пол, и осколки разбитого зеркала посыпались ему на голову. Один чиркнул по щеке Ильи. Он слышал, как где-то рядом кричала женщина. Кто-то тянул его за рубашку, за пояс брюк. Он отмахивался и снова бросался в атаку. Даже когда приехала полиция и наконец оторвала его от историка, он яростно боролся, норовя достать ногами врага.

Закончилось все так же быстро, как и началось. Пелена с глаз слетела, адреналин, бушевавший в крови минуту назад, снизился, и Илья мог адекватно оценить ситуацию. Он сидел на полу, пристегнутый наручниками к батарее парового отопления. Комната была заполнена людьми. Кроме полицейских, здесь же суетились врачи. Илья увидел, что возле кровати, осыпанный осколками зеркала, лежит без движения в луже крови Игорь Владимирович. Рядом – его жена. Сердце всколыхнулось и забилось часто-часто.

– Я ее не трогал, – прошептал он. – Что случилось?

На его голос повернулся один из полицейских, и юноша узнал того лысого мужчину, с которым разговаривал в скверике перед больницей.

– Очухался? Надо было тебя ещё у больницы в кутузку забрать. Ишь, разбушевался! Согласен, ты женщину не трогал, только она, как преданная жена, бросилась спасать мужа, вот и получила кулаком в живот. Начались схватки. Не дай бог с ребёнком что случится! Натворил ты дел, парень!

– Я даже не знал, что он женат. Видел его несколько раз с разными женщинами под ручку, вот и решил, что он дома один, – оправдывался Илья. – Простите меня, простите!

Его губы задрожали, уголки рта скорбно поехали вниз. Илья с трудом сдерживался, чтобы не разреветься, как мальчишка. Осознание содеянного ужасом наполнило грудь, он с трудом втягивал воздух и никак не мог надышаться.

– Одним прощением не открестишься, пацан, – покачал головой полицейский.

– А с учителем что? Я его не убил случайно? – Илья похолодел. Только что он понял, что его безумная вендетта могла закончиться ещё более плачевно.

– А ты его как бил?

– Просто. Кулаками.

– Тогда жив будет твой учитель. Кулаками убить нельзя, если, конечно, ты не занимаешься восточными единоборствами. За что ты его так, расскажешь?

Илья кивнул. Теперь в душе образовалась звенящая пустота. Он с тревогой наблюдал, как положили на носилки жену историка. Как же так получилось, что за один день от него пострадали две молодые женщины?

– Простите меня! – прошептал он, когда носилки пронесли мимо него. – Простите.

Когда он повернулся, Игорь Владимирович уже сидел возле кровати. Выглядел он, как помятая груша: под глазом расплывался синяк, шею и тело покрывали мелкие порезы, из которых сочилась кровь. Врачи обрабатывали ему раны, но в целом обошлось без сильных повреждений.

Историк с ненавистью посмотрел на Илью.

– Все, Шереметов, ты попал. Я тебе этот разбой не спущу с рук.

– Что, петухи, не хотите рассказать, что здесь произошло? Кто начнёт? – приготовился записывать показания по горячим следам лысый полицейский.

– Я вернулся после выпускного бала, – заторопился Игорь Владимирович, – слышали, что случилось у озера? – полицейский кивнул и с интересом уставился на историка. – Пропала девушка. Мы ее разыскивали, потом приехала полиция. Допросы, осмотры места происшествия, доставка детей домой заняла не менее двух часов.

– Он врет! – выкрикнул Илья. – Он не искал Олю! Он мне сказал сначала, что вообще на пляже не был, потом, когда я его припер к стенке, что приехал на пять минут. Врет он все!

– Так, погоди, – остановил его детектив. – Давай по порядку. Скажи, зачем учителю врать?

– Это он Олю изнасиловал, вот и выкручивается.

– Ты совсем сбрендил, Шереметов! – завопил историк. – Думай, что несёшь. Нападавших двое было. Хочешь сказать, что в напарники я взял физрука, так?

Вид у историка был такой ошарашенный, что лысый полицейский с укором посмотрел на Илью и покачал головой.

– У тебя доказательства есть?

– Нет. Но я точно знаю, что этот гад или сам все сделал, или нанял кого-то.

– Парень, ты такими обвинениями не бросайся, не надо. Оболгать человека легко, а как потом ему отмыться? – упрекнул лысый полицейский. – Поехали в участок, там и поговорим. Господин учитель, вы заявление о нападении писать будете?

– Обязательно! И все побои тщательно зафиксируйте и сфотографируйте, – обратился он к приехавшему криминалисту и медикам. – За каждую царапину с него спрошу.

Он, постанывая и опираясь на руку врача, встал и пошёл к шкафу. Медленно, как будто преодолевая сильнейшую боль, достал одежду. Слабым голосом попросил ему помочь и выглядел несчастной жертвой, подвергшейся несправедливому

обвинению.

Илья наблюдал за этой прекрасной актерской игрой с ужасом. Он только что понял: таких людей, как Игорь Владимирович, простыми кулаками не остановишь. Этот хлыщ ни разу не спросил у врачей, как чувствует его жена и ребёнок, он не поехал с ними в больницу, но собирался в полицейский участок, чтобы написать заявление. Причём делал это с видом страдальца-правдоискателя.

Полицейский с неприязнью покосился на учителя, потом сочувственно посмотрел на Илью.

– Родителей вызывать будем или сами справимся? – спросил он у юноши.

Илья на секунду задумался, а потом согласно кивнул. Кажется, историк собрался вцепиться в него мертвой хваткой. Пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

Глава 7

Оля проснулась вечером. Она лежала на больничной кровати. Рядом стоял штатив капельницы, но иглы в руке не было. Комнату окутывала темнота, лишь стекло поблескивало. За ним Оля разглядела желтый полумесяц. «Часов десять, наверное», – отрешенно подумала она и прислушалась к себе.

Тело немного болело, но в целом она чувствовала себя неплохо. Оля села на кровати, встала, наощупь нашла дверь в туалет, снова легла. Воспоминания нахлынули сразу, как враги из засады, будто только и ждали, когда она проснётся. Перед глазами над головой качалась ветка ели, которая сыпала на лицо иголками от каждого дуновения ветерка, отчего Оля вынуждена была накрывать глаза.

А потом она вспомнила синие джинсы и злобную ухмылку. Вкус вонючей тряпки до сих пор чувствовался во рту.

Оля подхватилась и бросилась к унитазу. Рвотные позывы выворачивали пустой желудок наизнанку. Наконец стало легче. Она умылась, а потом сбросила

одежду и стала осматривать себя. Ноги походили на розовые сардельки. Красные выпуклые пятна слились в одно и покрывали все тело до пояса. Оля вспомнила, как боролась с тысячами муравьев, и вздрогнула.

Она несмело опустила глаза: русый треугольник выглядел как обычно. На коже не было следов крови. Оля осторожно прикоснулась к интимному месту: немного саднит и все. До смерти хотелось принять душ, но в туалете его не было.

Оля посмотрела в зеркало. Обычное лицо, только немного бледное и осунувшееся. Даже не скажешь, что она пережила рано утром потрясение. Оля оделась, вернулась в палату, легла набок и тихо заплакала. Она не знала, как дальше жить, как смотреть в глаза маме и бабуле, любимому, одноклассникам. Ясно представила, что Жанка начнёт расспрашивать про ощущения от первого раза, и со своим циничным подходом к жизни заявит: «Подумаешь, все девушки бабами становятся. Одни раньше, другие позже. И что? Жива осталась – радуйся. А неприятности скоро забудутся».

– Ну, что ты бродишь, горемычная? А теперь ещё и нюни распустила, – услышала она голос с соседней койки.

Девушка резко повернулась: она не ожидала, что в комнате ещё кто-то есть. Глаза уже немного привыкли к темноте, и Оля увидела старую женщину. Та опёрлась на локоть и, прищурив глаза, разглядывала ее.

– Ой, простите, – подавилась рыданиями она. Голос дрожал, сипел и казался совершенно чужим. – Я долго спала?

– А то. Почитай, целый день с утра раннего. К тебе столько людей приходило, а ты все сопишь в две дырочки.

– А кто был? – спросила и замерла в ожидании. Сердце затрепетало от волнения. На секунду Оля даже забылась.

– Мама была. Милиция, тьфу, полиция приходила. Учительница, вся такая из себя модная. Подружка чернявенькая. Всех и не упомнишь.

Сердце остановилось. Разочарование пронзило душу. «А Илья? Где он? Что с ним?» – а противный внутренний голос нашептывает: «Получается, не нужна ты теперь ему. Порченая».

– А молодой человек? – тихо спросила она и затаилась, страшась услышать ответ.

– Парень? Точно не видела, – старуха села, включила ночник, потом надела очки, лежавшие на тумбочке, и подняла голову. – Эй, ты погоди реветь! Залетела, что ли? А энтот козел бросил? Т-ю-ю-ю, блаженная! Нашла по ком слезы лить! Если бросил в трудной ситуации, ты так и знай, не любит.

Слова соседки разбередили открытую рану: Оля уткнулась в подушку. Она задыхалась от горя и слез. Дверь распахнулась, и в палату вошла медсестра.

– Звонарёва, проснулась? Иди в процедурку на уколы, – приказала она и исчезла.

Оля встала, вышла в коридор и столкнулась с мамой, которая рассеянно брела, не разбирая дороги. Она бросилась к родному человеку на шею, и слезы потекли с новой силой.

– Мамочка, любимая! Как тебя пропустили? Поздно уже.

– Да так… Ты поплачь, поплачь, доченька, – гладила ее по голове Галина Семёновна, а сама тоже всхлипывала.

Они сели на диванчик, стоявший тут же в коридоре.

– А где бабуля?

– Ты только не расстраивайся сильно, – предупредила мать, – бабушка здесь же, в больнице. В отделении кардиологии. Я и брожу от ее палаты к твоей.

– Что случилось? – всполошилась девушка. Озарение накрыло волной, – это она из-за меня?

– Я не знаю, что сказать, – призналась мама, – как-то все вместе сложилось… Ладно. Справимся. Иди на процедуры.

– Мама, ты Илью не видела? – несмело спросила Оля и с надеждой посмотрела на мать.

Галина Семёновна молчала, глядя вдоль коридора, потом открыла сумочку, покопалась, застегнула замочек. Оля напряжённо ждала ответ. У неё даже ладони вспотели от волнения. Ей совершенно не нравилось то, что она сейчас видела. Ее смелая и активная мама вдруг стала нерешительной. Она сгорбилась и резко постарела. Будто судьба сделала такой поворот, что у мамы разом закончились все силы, чтобы идти новой дорогой.

– Доченька, – наконец выдавила из себя Галина Семёновна, – мне тяжело об этом говорить, но ты узнала того, кто на тебя напал?

– Нет, – Оля сделала паузу. Она мяла больничный халат с дыркой на подоле и не решалась продолжать. О таком говорить трудно даже с самым близким человеком. – Они натянули мне на голову чёрный пластиковый мешок, а когда сняли, я видела только спецназовские маски. У одного глаза были синие, у другого – карие. Вот и все, – Оля всхлипнула.

Галина Семёновна испуганно схватила ее за руку и сжала.

– Прости меня, прости! О, боже! Как тяжело! – лицо мамы сморщилось, уголки дрожащих губ скорбно поехали вниз.

– Мамочка! Где Илья? Я сердцем чувствую: что-то случилось.

– Он привёз тебя в больницу и нас дождался, – выдавила из себя Галина Семёновна. – А потом бабуле стало плохо. Я не знаю, куда он потом исчез, – добавила она и отвела глаза в сторону.

Оля вздохнула облегченно: «Слава богу! Зря я так плохо думала на Илью». Она встала, поцеловала маму в щеку и пошла в процедурный кабинет. Случившееся утром уже казалось ночным кошмаром. Пока ждала назначенную инъекцию, Оля смотрела в окно. Вечерние огни провинциального города весело перемигивались

и звали на улицу. Девушка чувствовала, что, если Илья поддержит, она сможет забыть о случившемся и начать жить заново.

Когда вернулась обратно, мама по-прежнему сидела на диване, отрешенно глядя в стену. Оля подошла и осторожно обняла ее, а потом по детской привычке положила голову ей на плечо. Они молчали. Каждая думала о своём.

– Оля, – очнулась мама, – ты сказала, что у одного нападавшего были синие глаза, – она помолчала, – а ты не думала, что это мог быть Илья?

Оля недоуменно посмотрела на маму.

Такой вариант исхода событий ей и в голову не приходил. Зачем Илье насилие? Между ними были очень нежные и доверительные отношения. Если бы дело дошло до интима, Оля и так бы не сопротивлялась, настолько она доверяла любимому. Они понимали друг друга с полуслова. По негласной договоренности они решили с близостью не торопиться. Сначала надо поступить в вуз, устроиться на новом месте, а там… видно будет.

– Мама, не выдумывай! – резко оборвала она слова Глины Семёновны, но, увидев, как задрожали у матери губы, обняла крепко за плечи. – Неужели ты думаешь, что я не узнала бы Илью? Он высокий и худенький, а напавший на меня был… – Оля на секунду задумалась, – другой.

И правда, какой он был? Точно не коротышка. Трудно определить рост врага, когда ты его разглядываешь снизу вверх, лёжа на земле. Его голова то закрывала поднявшее над горизонтом утреннее солнце, и тогда она видела синие глаза, то отворачивалась, а Оля на секунду слепла от бьющих прямо в лицо ярких лучей. Старые джинсы, спортивная куртка, застегнутая молнией до горла, чёрная шапочка. По таким приметам узнать человека невозможно.

Второго нападавшего Оля даже не видела. Она помнила тяжесть мужского тела, придавившего ей грудь, запах пота, смешанный со знакомым парфюмом, карие глаза, и все.

Оля всхлипнула: воспоминания, накатившие волной, опять растревожили душу. Она будто заново переживала насилие. Перед глазами стояла чёрная маска мужчины. Пока он двигался, его синие глаза стремились поймать ее взгляд. Оля

все время отворачивала лицо, а он хватал ее за подбородок и щеки и заставлял смотреть на него. Девушка коснулась нижней челюсти и вскрикнула.

– Не трогай, Олечка, – перехватила ее пальцы мама, – там у тебя синяки. Вот сволочи! – ее лицо сморщилось и сразу стало старым.

– Мама, не плачь. Я хочу поговорить с полицией. Соседка по палате сказала, что опера уже приходили. У тебя их номер телефона есть?

Оля специально говорила быстро, не позволяя маме опомниться. Она понимала, что должна сама справиться с этой проблемой. Одна мысль не давала ей покоя: это нападение не походило на случайность. Кто-то ее позвал к дальней беседке, используя Илью. Она теперь пыталась вспомнить, мужской или женский был голос, но не могла. Насильники приготовили пакет и скотч.

Вывод напрашивался простой: эта атака – спланированная акция, направленная именно на неё. А значит… Оля зажмурила глаза. Дальше даже думать не хотелось. Очень неприятные мысли крутились в голове. И этот парфюм что-то напоминал.

Галина Семёновна порылась в сумке и достала листок с номером. Оля взяла из рук мамы телефон и отошла к окну.

Первый звонок в полицию. Она сообщила, что проснулась. Оперативник обещал приехать через полчаса, несмотря на позднее время.

Теперь надо выяснить, где Илья. Ей совсем не нравилось, что он весь день не показывался. Беспокойство, поднимавшееся с низу живота, уже достигло груди и мешало дышать. Она кожей чувствовала: что-то случилось. Раз за разом она нажимала кнопку вызова, но Илья не отвечал. Номера телефона родителей у неё не было.

Жанна! Как же там? Оля несколько раз пробежалась пальцами по клавиатуре, но так и не вспомнила номер подруги. Черт! Из-за современных средств связи люди перестали запоминать номера телефонов. Без адресной книги Оля чувствовала себя парализованной. Она досадливо поморщилась и вернулась к маме.

– Мамочка, ты забирала мои вещи? Там телефон был?

– В вещах нет. Его мне передала Ирина Леонидовна. Твой сотовый нашли в кармане пиджака Ильи. Олечка, может, это он?

– Мамуля, тему закрыли, Ладно? Пиджак Илья набросил мне на плечи, чтобы комары не съели, вот и все. Никаких тайн. Дай мне мой мобильник.

– Я его дома оставила, прости, доченька. После этих событий совсем голова не работает.

– Дай тогда свой телефон, а сама иди отдыхать, – Оле нужно было выпроводить маму, чтобы спокойно сделать все нужные звонки. А ещё она очень стеснялась говорить о своих неприятных делах при строгой маме. Наверняка полицейскому захочется узнать подробности. – Видишь, со мной все в порядке. Вешаться или таблетками травиться из-за этих уродов точно не собираюсь!

Оля решительно поджала губы: слезы закончились. Прощать этих сволочей она не намерена. Когда приедет полиция, напишет заявление и расскажет все детали, которые запомнила. Она так и не решила, надо ли поделиться своими подозрениями или нет

Мама тяжело встала и побрела по коридору. Оля проводила ее до лестницы и вернулась в палату. Соседка уже спала.

Глава 8

Полицейский приехал почти сразу. Он представился Петром Валентиновичем, выпроводил дежурного врача из ординаторской и сразу начал допрос. Оля без утайки рассказала обо всех деталях нападения. Объяснила, почему пошла на окраину пляжа и что случилось. Оперативник что-то чёркал в блокноте, слушая, смотрел не на собеседника, а рисовал на полях загогулинки. В целом картина вырисовывалась не очень красивая. Когда Оля подписывала свои показания, она пробежала глазами текст и еще раз удивилась, что на бумаге ее история, изложенная канцелярским языком, выглядит как-то очень обыденно.

– Давай ещё раз коротко пройдёмся по преступлению, – предложил оперативник. Оля согласно кивнула. – Итак, тебя кто-то позвал, но ты человека не видела, только слышала голос. Догадок нет, кто это мог быть?

– Нет. Да кто угодно, кроме Ильи. Я смотрела огненное шоу. А Илья стоял прямо напротив меня.

– Потом тебе надели мешок на голову, связали руки и потащили в кусты, и ты потеряла сознание.

– Не совсем. Руки сначала болтались свободно. Я теряла сознание три раза: первый в мешке от нехватки кислорода, второй после насилия, а третий в озере.

– Н-да! – задумался полицейский. – Мешок в кармане мог оказаться случайно, но не скотч. Выглядит, будто насильники запланировали нападение именно на тебя. По степени жестокости насилие над тобой очень похоже на месть. Никого не подозреваешь? Может, перешла кому-нибудь дорогу?

– Я? Ну, что вы! У меня со многими дружеские отношения. Хотя… Есть один козел, который мне отравил последний год учебы в школе. Простите за не литературные слова, но он именно такой.

– Так, так! Это уже интересно, – подбодрил ее оперативник.

– Просто это такой человек, на которого никто не подумает, – опустила глаза Оля. – Зовут его Игорь Владимирович. Он преподаёт в нашей школе историю.

– О, как! Погоди, я позвоню, – Петр Валентинович достал телефон, с кем-то переговорил и отключился. – Тут такое дело… Твой парень утром напал на учителя, расквасил ему лицо,

– Как напал! – охнула Оля, а сердечко зашлось от счастья: нежданно-негаданно, получила известия от Ильи.

– Вот так и напал. Хуже то, что он толкнул жену…

– Историк женат? – удивилась Оля. – Ни за что бы за такого придурка замуж не вышла!

– Да, и жена на сносях была. А тут схватки начались. В общем, Илья в кутузке пока застрял.

– О боже! Что же теперь с ним будет? – Оля вскочила и забегала по ординаторской, заламывая руки, словно барышня девятнадцатого века. Потом резко остановилась. – Илья ни в чем не виноват. Он за меня заступился.

– Горячий у тебя друг, – покачал головой следователь. – Молодой еще, не думает о последствиях.

– Каких последствиях? – испугалась Оля и сделала круглые глаза. – Илья посадят? Нет! Нельзя! У него же мечта.

– Какая мечта?

– Он хочет стать хирургом.

– Трудно что-то сейчас сказать. Потерпевший настаивает на серьезных повреждениях, хотя внешне, кроме пары синяков и царапин ничего не видно. Ладно, не переживай сильно. У твоего паренька отец – большой начальник в органах. В обиду сына не даст. А историк ваш, – следователь покачал головой, – сволота еще та! Рассказывай, почему его подозреваешь?

Оля поведала Петру Валентиновичу о преследовании учителя и о том, как с появлением в школе Ильи изменилась ее жизнь. Она немного помолчала, не решаясь рассказать о своих подозрениях, а потом все же высказала предположение, что аромат мужского парфюма, который она чувствовала во время насилия, напоминал ей духи историка. Оперативник девушку не перебивал, только задавал иногда вопросы.

Спать Оля легла уже поздно, но довольная своей отчаянной смелостью. Немного терзала тревога за Илью, но девушка знала, что его отец умеет проявить настойчивость и характер в трудной ситуации. Просто так, за красивые глаза большие звезды на погоны не вешают.

На утро ее привезли в полицейский участок, где из множества ароматов она должна была узнать тот, который ее преследовал. Но, увы, среди представленных для экспертизы флаконов того запаха не оказалось.

Через пару дней провели опознание, но и оно ни к чему не привело. Оля внимательно вглядывалась в синие глаза мужчин, блестевшие в прорезях черных масок. Наконец в одном взгляде уловила что-то знакомое, какую-то искорку ненависти и презрения. С облегчением указала на этого человека, надеясь, что за маской прячется историк. Но, к великому ее удивлению, это был не он. Лысый оперативник, занимавшийся ее делом, сказал ей позже, что Игорь Владимирович стоял в той комнате, но Оля его не опознала.

Из больницы ее выписали через неделю. Физически она чувствовала себя хорошо, но моральное состояние находилось в упадке. На второй план отошли экзамены, выпускной, поступление в вуз. Это все стало далеким и неважным. Тяжело болела бабушка, врачи волновались за ее жизнь. Мама взяла на работе отпуск и целыми днями пропадала в больнице. Она стала угрюмой и неразговорчивой, и Оля невольно чувствовала вину за случившееся.

Но еще большую тревогу вызывал Илья. Первым делом, выписавшись из больницы, Оля побежала к нему домой, но на долгий звонок никто не ответил. Никого не было в квартире ни на следующий день, ни через неделю. Номер телефона оказался заблокированным, группы в социальных сетях исчезли. Не удалось Оле узнать что-то о пропавшей внезапно семье и у приятелей Ильи.

– Да, леший знает, куда Илюха пропал, – пожимали плечами одноклассники. – Может, поступать уехал. Он перед нами не отчитывается.

Позвонила Оля и Жанне, но той тоже не было в городе.

– Жанночка уже в Москве, – ответил отец. – Я ее на подготовительные курсы записал. Ты сейчас не мешай ей, пусть учится.

– Хорошо, – тихо ответила Оля и закрыла дверь.

Так оборвалась последняя ниточка.

Девушка недоумевала, расстраивалась и не спала ночами, мучительно думала, что случилось с ее другом. Ей казалось, что она вдруг очутилась в вакууме, куда не доносились звуки большого мира, где она осталась наедине со своим горем, и никто не придет на помощь.

От этой мысли хотелось плакать, и Оля натягивала на голову одеяло и тихонько выла, боясь разбудить соседей и смертельно уставшую маму. А еще в груди рождалась тревога. зернышко сомнений, зароненных в душу мамой, начало прорастать и развиваться.

«Нет, Илья не такой! – убеждала себя она. – Не такой! – повторяла как мантру, в которую. Хотелось верить.

Однажды она возвращалась из больницы. По привычке поднялась на этаж, где жил Илья, и позвонила. Дверь внезапно распахнулась: на пороге стоял неизвестный мужчина.

– Тебе кого? – грубо поинтересовался он.

– Илья Шереметов дома? – растерялась от напора Оля.

– Не знаю таких. Мы только сегодня переехали, – рявкнул мужчина и захлопнул дверь.

Оля медленно спускалась по ступеням. Домой идти не хотелось, там теперь не пахло живым духом. Не исходили ароматом пироги в духовке, не варился на плите борщ, и чайник не звал к столу призывным свистом. И вообще, никто не встречал Олю радостными возгласами.

– Вот шалава! – услышала она за спиной и оглянулась.

Сзади стояла бабка Аня, первая сплетница их двора. Оля не поняла, к кому относились эти слова, но на всякий случай спросила:

– Здравствуйте Анна Николаевна. Это вы мне?

– А кому же еще? Выгнала хороших людей с насиженного места.

– Тьфу! – сплюнула на пол бабка. – Черт пусть с тобой здоровается, ведьма проклятая! Вот так растишь-растишь дитятку, а он потом из тебя всю кровь высосет и в гроб вгонит.

Анна Николаевна, – попятилась от соседки Оля и подумала, что бабка тронулась умом. – Вы о ком говорите? Кто ведьма? Кого в гроб вгонит?

– Нет, посмотрите на нее! – кричала во весь голос старуха, призывая в свидетели весь подъезд. – Сама чистота и невинность. Раскинула ляжки на выпускном, а кто пострадал? Хороший парень из-за тебя, сучки, чуть в тюрьму не попал. Шереметовы правильно и сделали, что переехали.

– Как переехали? – выпалила ошарашенная Оля. – Куда?

– Конечно, – не слушала ее соседка, – разве мать оставит красивого парня рядом с шалавой. Каждому родителю свое дитя дороже чужого.

– Но…

Оля начала спускаться, но застыла, прижавшись к стене. Девушка шарила руками по шершавой штукатурке, ища опору, но ладони раз за разом соскальзывали. Вся неприглядная правда обрушилась на ее голову и тянула, гнула вниз.

– А что ты с Варварой сделала? – не успокаивалась бабка. – Ей еще не так много лет, жила бы и жила, а теперь в больнице помирает. А все хвасталась чудесной внучкой, вот и получила черную неблагодарность за любовь.

Оля вытащила ключ, вставила его в замочную скважину, но выронила из дрожащих пальцев. Она наклонилась и уже не слушала крики старухи. Мечтала только об одном: быстрее оказаться в спасительной тишине родной квартиры.

Наконец замок открылся, девушка нырнула в прихожую и села на пол: ноги не держали ее. Она зажала уши руками, но избавиться от жестоких слов соседки было не так просто. они каленым железом оставили клеймо на сердце. Оля даже представить не могла, что о ее ситуации узнает кто-то еще, кроме посвященных. А уж то, что насилие расценят неправильно, вообще выходило за рамки

понимания.

Но сломали ее жизненную стойкость не слова бабы Ани.

Илья!

Уехал! Не сказал ни слова, не связался с ней, не попрощался.

Оля не могла поверить в такое предательство со стороны любимого. А как же клятвы и заверения в вечной дружбе и верности? А желание учиться и жить в одном городе? Неужели мама была права, утверждая, что Илья не слишком чистый и честный человек.

«Нет, не может быть! – трясла головой девушка. – Не верю!» Допустим, его отец замял ситуацию. Заплатил историку, чтобы тот забрал заявление о нападении, надавил на нужные связи, желая избавить сына от наказания. Или с женой и сыном историка все было нормально, и полиция сама отпустила парня. Оба варианта возможны.

Но Илья! Почему он не позвонил? Не увозили же его родители силой.

Тяжелые мысли колотились в виски, а из желудка поднималась тошнота. Оля бросилась в туалет и в обнимку с унитазом просидела целый час. Попыталась обдумать свою жизнь, но у нее ничего не получилось.

С этого дня Оля старалась не попадаться на глаза соседям. Она обрезала все контакты с внешним миром: удалила аккаунты из соцсетей, перестала звонить одноклассникам и друзьям. Ее день состоял из нескольких этапов, которые она выполняла автоматически. Утром она ехала к бабушке в больницу и сидела там до обеда.

Потом Оля бежала мыть свое отделение. Она устроилась в стационар санитаркой, чтобы быть ближе к бабуле. Вечером ее меняла мама, которая уже вышла на работу и могла заступить на смену только в это время. Они почти перестали видеться и разговаривать. Молчаливый упрек матери лег еще одним тяжелым грузом на сердце девушки. От рыжеволосой красавицы не осталось ни следа. На голове появился светлый пробор: волосы окрашивать было некогда, да

и незачем. Глаза потухли, одежда стала болтаться. Хотелось кричать в голос, но сил не было.

Однажды ее пригласил к себе главный врач и спросил:

– Куда собираешься поступать?

– Хотела на юридический факультет, – ответила Оля, хотя уже сомневалась в своем выборе. Она не представляла, как оставит парализованную бабушку на плечах мамы.

– А если тебе пойти в медицинский колледж?

– Туда нужны ЕГЭ по химии и биологи. Я их не сдавала, – тихо ответила Оля.

– Это не важно. С экзаменами я тебе помогу. Учиться по времени придется меньше, чем в институте. Сразу по окончании я гарантирую тебе место в больнице. Давно приглядываюсь к тебе. Руки у тебя, Оля, золотые, и сердечко тоже. Все больные говорят. Нам такие сотрудники нужны.

Оля вернулась в палату, так и не приняв решения. Она посмотрела на бледную бабушку, неподвижно лежавшую на кровати, и вдруг поняла: без нее бабуля пропадет.

Девушка пошла снова в кабинет к главврачу и согласилась, тем самым радикально изменив свою жизнь.

Глава 9

– Венька, бисово семя, куда тебя черти гонят? – нёсся по улице сердитый женский голос, и прохожие испуганно оборачивались, а потом, улыбаясь, качали головой.

Маленький мальчик, сверкая синими глазёнками из-под низкого козырька бейсболки, удирал на самокате от бабушки. Та семенила за ним, опираясь на

палку, но не успевала. Вот ребёнок остановился поодаль, показал розовый язычок, подождал, пока пожилая женщина приблизится, и снова, смеясь, помчался вперёд.

Оля стояла на крыльце сельской больницы и с улыбкой наблюдала за проказником-сыном. Одна и та же картина каждый день. Венька сбегал от бабушки, которая не успевала уследить за перемещениями активного мальчика, и ехал на самокате к матери. Вот он бросил свою машину, бегом поднялся на крыльцо и уткнулся в белый халат, обняв родные колени.

– Ты почему бабулю не слушаешься? – упрекнула сына Оля.

– А что она пристает! Ешь кашу, ешь кашу, большой будешь! – передразнил Венька бабушку, которая наконец, задыхаясь от спешки, приблизилась к ним.

– А разве это неправда? – погладила по голове мальчика Оля. – Смотри, тебе уже пять лет, а ростом ты ниже своих друзей. Все они едят утром кашу.

– Б-е-е-е… невкусная, с соплями, – скривил лицо ребёнок.

Оля посмотрела на маму.

– Обычная каша, геркулесовая, – пожала плечами Галина Семёновна. – Ты совсем его избаловала. Все позволяешь, вот он и ведёт себя, как хочет.

– Мама, не ворчи. Потерпи немного, скоро осень, откроется садик, и тебе легче станет. Ты же знаешь, я не могу бросить работу.

Галина Семёновна молча отвернулась, на глазах появились слезы. Сердце Оли болезненно сжалось: последние несколько лет ангелы-хранители отвернулись от их семьи. Нападение на Олю на выпускном вечере запустило целую цепочку трагических событий, и, казалось, что череда неприятностей и горя не закончится никогда.

***

Варвара Петровна умерла осенью того же года: изношенное сердце не пережило второго инфаркта, вызванного известием о беременности Оли.

Если бы мама не жила так лихорадочно в последние месяцы, возможно, как более опытная и взрослая, она бы заметила первые признаки новой беды. Олю тошнило по утрам, иногда кружилась голова. Некоторые запахи просто сводили с ума. Она сначала резко похудела, а потом поправилась на несколько килограммов, хотя внешне выглядела стройной, как тростинка. Часто болел живот, но, занятая уходом за бабушкой, работой в стационаре, поступлением в медицинский колледж, девушка не обращала внимание на эти боли.

Оля загружала себя работой, чтобы отключить голову и избавиться от отчаяния. «Не думать, не вспоминать, не мечтать, не планировать», – это был новый лозунг ее жизни.

День прошёл, и ладно.

Наступил новый – отлично.

На улице жарко – значит, лето.

Идёт дождь – близится осень.

Бабушка съела две ложки каши и улыбнулась – счастье.

Простая жизнь, примитивные чувства.

Не жизнь, а выживание.

В ноябре Оля заметила, что к тянущим болям в животе прибавилось странное ощущение: будто кто-то постоянно щекотал брюшную стенку изнутри. Любимые джинсы застегивались теперь с трудом. Если раньше она бегом спускалась по лестнице, то сейчас поймала себя на мысли, что двигается осторожно. Организм включился в работу по защите новой жизни, а сознание ещё не догадывалось о ее существовании. Раскрыла глаза на проблему, как всегда, баба Аня.

Однажды, когда Оля бежала к бабушке в больницу через сквер возле дома, она услышала своё имя и остановилась. Оглядевшись, она увидела стайку пенсионерок, сидевших на скамейке. Наклонив головы к бабе Ане, они внимательно ее слушали.

– Олька Звонарёва. Вот шалава! Сначала жизнь Шереметовым испортила, а теперь ещё и дьявольское отродье в пузе носит.

– Ладно тебе, Анюта, хватит девчонку клевать! Не лезь сама в чужую жизнь и к тебе никто не полезет, – заступилась за Олю старушка с узлом седых волос на голове.

– А откуда ты знаешь, что она беременная? – поинтересовалась другая.

– Да ты на неё посмотри. Грудь в лифчике не помещается, джинсы на животе того и гляди лопнут. Лицо отечное, один нос торчит. Ясно дело, залетела.

Оля на ватных ногах вышла из кустов и побрела обратно. С ребёнком своё состояние она никак не связывала. Даже мысли такие ей в голову не приходили. После изнасилования в качестве профилактики нежелательной беременности ей сделали массаж матки и вкололи какое-то лекарство. Они с мамой успокоились, а тут… на тебе… получи новый подарок судьбы.

На полдороге она остановилась и поехала в больницу. Сразу направилась к главврачу, который так по-отечески отнёсся к ней в начале лета и даже помог с поступлением, и рассказала о ситуации. Он молча выслушал ее, а потом позвонил знакомому врачу. Из кабинета гинеколога Оля вышла в полуобморочном состоянии. Как приехала домой, совершенно не помнила.

У себя в комнате Оля разделась и подошла к зеркалу. Все выглядело так, как сказала глазастая баба Аня. Втянутый ранее живот и правда слегка округлился. Лицо отекло и покрылось темными пятнами. Изнутри Оля опять почувствовала щекотание и положила руку на это место. Кто-то стукнул в ладонь.

Девушка села на диван и уставилась в чёрный экран телевизора. Слез не было, мыслей тоже. Она тупо пыталась осознать новую информацию и отказывалась в неё верить. В этом положении и застала ее Галина Семёновна.

– Ты почему меня не сменила? – упрекнула она дочь и прошла сразу на кухню.

– Мама, я беременная, – выпалила Оля, – что делать будем?

– Что? Это ты о чем сейчас говоришь? – Галина Семёновна вышла из кухни и остановилась в дверях с хлебом и ножом в руках.

– У меня ребёнок будет.

– Какой? Откуда? Когда успела? – все ещё не понимала мать, а потом охнула и без сил сползла по стенке на пол. Хлеб и нож выпали из ослабевших рук. – Ол-я-я-я! Как же так? – в голос завыла она.

– Не знаю.

– Вставай, пошли в больницу. Надо избавиться от плода.

– Я уже была у врача. Срок большой. Почти шесть месяцев. Мальчик. Он шевелится, – заплакала Оля, уткнувшись лицом в подушку.

Бабуле сообщила о беременности внучки все та же словоохотливая сплетница Аня, когда пришла ее навестить. Варвара Петровна схватилась за сердце, потеряла сознание и к вечеру умерла, не попрощавшись с родными. Хоронили ее всем домом, в котором она прожила без малого семьдесят пять лет. Галина Семёновна добросовестно провела поминки и девятый день, а к сороковому попала в больницу: ноги отказали, нервы не выдержали напряжения последних месяцев.

Вот так на руках у Оли осталась полупарализованная мать и крикливый и шустрый мальчишка с синими глазами. Сначала она перебивалась, как могла, цеплялась всеми силами за привычный образ жизни, старалась совмещать учебу с работой и уходом за сынишкой и больной мамой. А потом плюнула на городские муки, сплетни и косые взгляды, продала их большую трехкомнатную квартиру в городе и купила домик в пригородном посёлке. Здесь же устроилась на работу в местную районную больницу.

Жизнь потихоньку налаживалась.

***

Оля из-под руки посмотрела вдаль: по дороге к больнице приближалась скорая.

– Мама, забирай Веньку и иди домой. Мне работать надо. И ещё… перестань звать его «бисовым семенем».

– А что тут такого? – обиделась мать. – Он такой и есть.

– Семя, может, и бисово, но в мальчишке половина и нашей крови. Пока Венька не понимает, что эти слова означают, но скоро подрастёт. Что будешь делать, если спросит?

– Ладно! Не буду! Иди уже, – махнула рукой Галина Семёновна. – Венечка, – залебезила она перед внуком, – пойдём домой. Я тебе яичницу сделаю. И какао с молоком.

– А конфету дашь? – тут же поинтересовался хитрый мальчишка.

– Ну, что с тобой делать, пострелёнок, дам, конечно.

Галина Семёновна взяла внука за руку, и они медленно пошли обратно. Оля смотрела на них любящими глазами, в которых стояли слезы, и внезапно ощутила такой прилив счастья, какой не испытывала вот уже шесть долгих лет.

Скорая уже показалась из-за последнего поворота, поэтому Оля побежала в приемный покой.

– Кого везут? – поинтересовалась она у врача, полноватого и вечно потного разводящего терапевта, Владимира Владимировича Зотова.

В обязанности врача входил первичный осмотр больных и распределение их по степени тяжести и срочности. Будучи очень осторожным человеком, доктор Зотов не брал на себя большую ответственность, а вызывал нужного специалиста для лечения пациентов. В перекладывании своей работы на чужие плечи ему не было равных. Но держали его в приемном покое не за лень и ненадежность. Как раз наоборот: в экстремальной ситуации доктор никогда не

паниковал, чётко отдавал распоряжения и умел принимать сложные решения. Оля недолюбливала его за стойкий запах пота, вызывавший у неё плохие ассоциации, но уважала как высококлассного специалиста.

– Рабочий на лесопилке под нож пилы попал, – ответил Зотов, задумчиво глядя в окно и наблюдая, как скорая разворачивается у крыльца. – Говорят, нога висит на коже.

– А к нам зачем? – проворчала Оля и села за свой стол дежурной медсестры. – Пусть бы везли в городскую травматологию. У нас ни ресурсов, ни специалистов нет.

– Боятся, что по дороге мужик концы отдаст от болевого шока. А сегодня Анисимов дежурит. Сама знаешь, хирург от бога. Кстати, предупреди его и операционную закажи. Все, прибыли, – подскочил доктор, увидев в окно каталку с раненым, вокруг которого суетились врачи. – Иди, встречай!

– Это не моя работа, – привычно огрызнулась Оля, – сами встречайте. Я в хирургию звоню. Она демонстративно схватила телефон.

– Ну, почему ты такая? – досадливо махнул рукой врач и засеменил к двери. Оля пожала плечами: пусть сам выкручивается.

И завертелось…

Рабочая рутина не оставляла ни одной свободной минуты до самого вечера. После раненого с лесопилки привезли мальчика с аппендицитом, осложнённым перитонитом. Бедный ребёнок три дня мучился болями в животе, так как в дальней деревне, где он жил, давно не было медика, чтобы своевременно поставить диагноз. Он лежал на кушетке в ожидании своей очереди и стонал. Бледное лицо покрывала испарина. Оля жалела паренька, но операционная и хирург были заняты.

Потом доставили старичка с инсультом, за ним девушку, покрытую красными пятнами аллергии: наелась клубники в огороде у бабушки. А ещё через полчаса в процедурном кабинете приемного покоя освободившийся после двух операций хирург вскрывал фурункул, а Оля ему ассистировала.

Иногда одновременно лежали на кушетках несколько человек, и Оле тогда приходилось тяжело. Спасал Владимир Владимирович. Он садился за ее стол и начинал размашистым почерком заполнять медицинские карты, пока медсестра делала укол, или брала анализы. Здесь же крутилась и татарка Гульнара – санитарка приемного покоя, шустрая, активная и скандальная тетка. Но она как никто могла поставить на место зарвавшегося пациента, остановить истерику у обезумевшей матери, вынужденной отдать ребёнка на срочную операцию. Ее громкий голос с татарский акцентом слышен был из каждого уголка больницы.

Приемный покой районной больницы принимал всех страждущих от мала до велика, и от слаженной работы персонала зависело здоровье пациентов.

Суточное дежурство заканчивалось в восемь часов утра. К двум часом ночи наконец-то все успокоилось: одних больных оставили в стационаре, других отправили домой. Гуля вымыла полы, собрала использованный материал в пластиковый пакет и ушла подремать до утра в бытовку. Оля устало потёрла глаза, потянулась и пошла закрывать дверь приемного покоя на задвижку, чтобы тоже немного поспать. Для срочных больных есть специальный звонок. А о самых срочных сообщают дополнительно по телефону. Опасности, что из-за ее отдыха пострадает пациент, нет никакой.

Не успела она сделать два шага к приготовленной для сна кушетке, как филенка двери задрожала от яростного стука. Оля бросилась обратно: на крыльце стояли три человека, одетых по-походному. Двое держали под руки третьего, голова которого висела на груди.

– Помоги, – прохрипел парень.

Пот градом катился по его лицу и капал с носа. Внезапно он отпустил друга и сам стал оседать на пол.

– Гуля, – крикнула Оля, согнувшись под тяжестью мужского тела, повисшего на ней, – зови Зотова!

– Кого шайтан принёс среди ночи? – выглянула из бытовки маленькая и круглая татарочка. – Шляются и шляются, – проворчала она, но тут же прижала палец к кнопке срочного вызова.

Оля с помощью ещё одного рыбака дотащила больного до кушетки. С трудом уложила его на спину, но поднять его ноги не хватило сил.

– Сам сделай! – приказала она парню и побежала за следующим.

Молодой человек лежал ничком на полу и не шевелился. Он был высокого роста и крупного телосложения. Оля схватила его за запястье: пульс едва прощупывался. Она взяла его за плечи, уперлась в пол ногами и перевернула, приложила ухо к груди. Редкие удары сердца подсказывали, что с парнем случилась беда.

– Что тут у нас? – над ухом раздался голос Зотова, и Оля облегченно вздохнула.

– Не знаю. Он без сознания. Пульс слабый, брадикардия.

– Какого хера ты стоишь? – выругался Зотов. – Быстро тащи сюда нашатырь и зови на помощь!

Оля побежала к процедурному кабинету, по дороге доставая телефон. Когда она вернулась, Владимир Владимирович уже начал срочные меры реанимации. Из хирургии прибежал доктор Анисимов и занялся вторым пациентом. Единственный человек, кто был в сознании, сидел на стуле и растерянно наблюдал, как врачи мужественно пытаются вытащить его друзей с того света. С мокрой одежды капала вода, которая чавкала и в болотных сапогах при каждом движении.

– Что случилось? – собирала анамнез Оля, автоматически выполняя необходимые процедуры. Гульнара тоже не сидела просто так. Она вскипятила чайник, чтобы напоить ребят чаем, когда они окончательно придут в себя. – Чтобы правильно лечить ваших друзей, надо знать, почему они в таком состоянии.

– Я сам не знаю, – тихо ответил парень. – Я рыбачил, а ребята остались на стоянке: надо было поставить палатку, приготовить место для ночлега, ну, и остальное… Я пришёл через час, а Илюха блюет в кустах и машет рукой в сторону палатки. Заглядываю: Серега без сознания лежит. Я их дотащил до машины и сюда…

– Чем обогревались? – крикнул из-за шторки Анисимов между подсчетами нажимов на грудную клетку.

– Горелкой… О, боже! – схватился за голову парень. – Вы думаете они угарным газом травануились?

– А то! Радуйся, что легким отравлением отделались, – хирург вышел из кабинки, где оказывал помощь пострадавшему, и раскрыл штору. – Оля, вызови лаборантку, пусть возьмёт у горе-рыбаков анализ крови.

Из коридора показался и Зотов, который с помощью Гули вёл пострадавшего. Высокий парень почти висел на маленьком докторе. Длинные волосы закрывали его лицо. Зотов осторожно положил его на кушетку и задернул штору.

– Но… Как же так? – ничего не понимал мокрый рыбак. – В палатке же вентиляция, да и ребята не спали, а только готовились ко сну.

– Вот так и получается. Мы твоих друзей на ночь в травме оставим, понаблюдать надо. Гуля, найдите этому горемыке что-нибудь из одежды. Пусть снимет мокрое. Ты в озеро свалился, что ли?

– Да. Лещ попался здоровый. Я его пока вываживал, оступился и – в омут с головой. Потому и пошёл к палатке. А там…

– Значит, так судьба распорядилась. Не пришла пора твоим друзьям концы отдавать.

– П-и-и-и-ть… – попросил пострадавший из второй кабинки. Оля сорвалась с места и замерла: что-то знакомое почудилось ей в его голосе. Сердце пропустило один удар, другой, а потом заколотилось, как безумное. Дрожащей рукой девушка взялась за шторку.

Глава 10

– Ты чего застыла? – окликнула ее Гульнара. – Шайтан! Девка! Не спи! Пусти, я чай несу.

Оля сделала шаг в сторону. «И вправду, что это я? Откуда здесь взяться Илье? Рыбалкой он никогда не интересовался. Хотя… Я в суматохе на лицо парней не смотрела. А вдруг это он? Нет, не может быть, – Оля потрясла головой, которая от усталости нафантазировала лишнего. – А Илья… Ему здесь не место. Он уже должен был закончить вуз. Наверняка престижный. О детской мечте – поступить вместе в Саратов – давно забыл. Шесть лет прошло. Сейчас у него год интернатуры. Фу! Почудилось от усталости», – она ещё раз встряхнула головой, отгоняя коварные мысли, и села за стол: нужно оформлять пациентов в отделение травматологии.

Оля взяла карту больного и прошла в первую кабинку. Она села на стул рядом с пострадавшим и заполнила карту молодого человека, который отключился ещё в лесу. Сергей уже чувствовал себя неплохо. Немного болела голова, и тошнило, но эти минимальные последствия отравления должны к утру пройти.

Пока она с ним возилась, второго парня, потерявшего сознание в коридоре больницы, Гуля с помощью доктора Зотова положила на каталку. Он пришёл в себя, выпил стакан чаю и снова отключился. Анисимов забрал его в отделение: пациент нуждался в более серьезном уходе, который нельзя было обеспечить в приемном покое.

– Оля! – крикнул девушке Зотов, разворачивая каталку перед лифтом, – сейчас запиши только имя и фамилию, а подробности заполнишь завтра.

Всю информацию о друге сообщил ей мокрый рыбак, который теперь был уставший, лохматый, но сухой: Гуля переодела его в больничную пижаму. Он сидел на стуле, как нахохлившийся воробей на ветке, и полусонным голосом отвечал на вопросы.

– Как имя твоего друга?

– Имя? Илья.

Сердце опять заколотилось. Ее просто преследует это имя. Неужели так будет продолжаться всю жизнь?

– Фамилия? – Оля замерла, боясь услышать ответ.

А если это ее Илья? Как ей себя вести? Сделать вид, что незнакомы? Или наоборот, поговорить, как давние приятели? Он, конечно, сволочь, что исчез после выпускного и как в омут канул. Но… как говорится, из песни слов не выкинешь, так и Илью Оля не могла выкинуть из своей головы. Даже не знала, почему хочет с ним увидеться и боится. То ли потому, что расстались при странных обстоятельствах, то ли потому, что забыть не смогла. А может, хотела спросить, почему тот, на которого она мечтала опереться в жизни, оставил ее в самый трудный момент без объяснения причины.

Ненависти к нему Оля не испытывала: мало ли, что тогда случилось! Сначала обида жгла огнём душу, но и она постепенно потеряла остроту. Горячие юношеские чувства поутихли, ушли куда-то вглубь души, остались в воспоминаниях, но не в сердце. Так она убеждала себя. Это только в кино и книгах существует любовь, одна единственная, та, которая на всю жизнь, до старости, до гроба. А в жизни… все, как в жизни. Боль, разочарование, страх оказаться в ловушке эмоций и пострадать. А ещё больший страх, что пострадают твои близкие: мама и Венька – лучшие люди на свете.

Даже сегодня. Только намёк на присутствие Ильи в приемном покое, а она испытывает сложные эмоции. С одной стороны, ей хочется сбежать подальше. Только-только все потихоньку наладилось: мама встала на ноги, Венька подрос, появились друзья и любимая работа. Оля получила, как глоток свежего воздуха, относительную свободу.

Неизвестно ещё, какие неприятности сулит ей новая встреча с Ильей. Не раз, сидя ночами за учебниками или качая не желавшего засыпать сына, она пыталась представить, как сложилась бы жизнь без Ильи. Нехорошие мысли терзали ее голову. Оле даже казалось, что если бы тогда он не сел рядом за парту, не вмешался в более чем странные отношения с Игорем Владимировичем, все могла закончиться благополучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/fardi_kira/tol-ko-s-toboy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити